

М. Ю. Биркин

OCRID: 0000-0001-9224-7585

✉ mbirkin@gmail.com

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет (Россия, Москва)

ДУРНОЙ ЕПИСКОП КАК ТИРАН В «СЕНТЕНЦИЯХ» ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается фигура дурного епископа в «Сентенциях» Исидора Севильского в связи с образом тирана. Так, комбинация ключевых пороков плохого епископа (прежде всего гордыня, гнев и жестокость) соответствуют в рамках римской риторической традиции ключевым характеристикам *tyrannus*, переосмысленного уже в христианском духе. Деятельность плохого епископа, как и тирана, ведет к дезорганизации социального порядка и в результате к разрушению *populus*. Использование образа тирана применительно к дурному предстоятелю объясняется укорененностью фигуры епископа в системе полисных ценностей, претерпевшей значительные трансформации. Гнев и гордыня дурного епископа помещали его в сферу мирского и связывали его с дьяволом, уничтожая самую суть епископского служения. В силу «десакрализации» епископ переставал быть центром всех социальных связей общины. Риторика, связанная с образом тираном, наиболее адекватно отражает такое понимание роли епископа в обществе.

Ключевые слова: епископ, тиран, сакральность, Исидор Севильский, «Сентенции», риторическая традиция, Толедское королевство вестготов, поздняя античность, раннее Средневековье

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Парадигма христианского священства и ее трансформации в истории и современности» Лаборатории исследований церковных институций ПСТГУ при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

Для цитирования: Биркин М. Ю. Дурной епископ как тиран в «Сентенциях» Исидора Севильского // Шаги/Steps. Т. 6. № 2. 2020. С. 259–291. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-2-259-291.

Статья поступила в редакцию 14 января 2020 г.

Принято к печати 16 марта 2020 г.

M. Yu. Birkin

OCRID: 0000-0001-9224-7585

✉ mbirkin@gmail.com

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
(Russia, Moscow)

EVIL BISHOP AS TYRANT IN ISIDORE OF SEVILLE'S *SENTENTIAE*

Abstract. The article focuses on the figure of an evil bishop in Isidore of Seville's *Sententiae* in connection with the image of a tyrant. Analysis of the text demonstrates that the notion of a bad bishop is noticeably determined by the image of a tyrant. Thus, the set of the key vices of a bad bishop (first of all, pride, anger and cruelty) corresponds within the Roman rhetorical tradition to the key characteristics of a *tyrannus*, which has already been reinterpreted in Christian terms. The activity of a bad bishop, like that of a tyrant, results in social disorganization and in the destruction of the *populus*. The image of a tyrant is applied to an evil primate because the figure of the bishop was rooted in a system of political values which already had been transformed significantly. The anger and pride of a wicked bishop placed him in the sphere of the secular and connected him with the devil, thereby destroying the very essence of episcopal ministry. As a result of desacralization the bishop ceased to be the center of all social ties of the community. The rhetoric associated with the image of a tyrant most adequately reflects this perception of the social role of the bishop.

Keywords: bishop, tyrant, sacredness, Isidore of Seville, *Sententiae*, rhetorical tradition, Visigothic kingdom of Toledo, Late Antiquity, Early Middle Ages

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of the project "Paradigm of the Christian priesthood and its transformation in history and in modernity" of the Ecclesiastical Institutions Research Laboratory of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities with the support of the PSTGU Development Foundation.

To cite this article: Birkin, M. Yu. (2020). Evil bishop as tyrant in Isidore of Seville's *Sententiae*. *Shagi / Steps*, 6(2), 259–291. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-2-259-291.

Received January 14, 2020

Accepted March 16, 2020

© M. YU. BIRKIN

В своем трактате «Сентенции» Исидор Севильский (ок. 560–636), характеризуя фигуру дурного епископа, среди прочего отмечает, что «надменные пастыри **тиранически** угнетают народ, а не правят им, и требуют у подчиненных славы для себя, а не для Бога»¹. Современный читатель увидит в этой сентенции не заслуживающий внимания трюизм или малоосмысленное утверждение средневекового компилятора. Однако для современников Исидора эта фраза была своего рода «смысловым конденсатом», и за ней стояла целая система представлений и образов, связанных с дурным епископом как тираном.

Рассмотрению образа тирана применительно к епископу в том виде, как это представлено в «Сентенциях» Исидора Севильского, реконструкции основных элементов этого образа, а также поиску его значения и посвящена настоящая статья. Такая задача обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, образ добродетельного епископа предполагает наличие имплицитных или эксплицитных представлений о епископе дурном, которые вместе с первыми выстраивают бинарную оппозицию. Не говоря о значении бинарных оппозиций как фундаментальных категорий культуры и ключевом средстве познания мира, необходимо отметить следующую их специфику: значительная их часть обретает конкретный смысл при наличии установленной нормы для определенного класса явлений [Арутюнова 1988: 199–201, 234–243]². Таким образом, в полной мере очертить нормативный набор идейных оснований, вокруг которых выстраивались представления о епископстве в целом, без рассмотрения отрицательного образа невозможно. В свою очередь, в его структуре особое место занимает образность тирана, связанная со злоупотреблением властью. Соответствующая риторика в отношении дурных предстоятелей обусловлена осмыслением специфики епископской власти и особенностей ее реализации в отношении подчиненных [Gaddis 2005: 251–253]. Поэтому анализ образа «епископа-тирана» дает возможность увидеть названные основания епископского служения в наиболее концентрированном виде.

Вместе с тем — и это во-вторых — при наличии огромного количества работ, посвященных образу епископа в эпоху поздней античности и раннего Средневековья³, в центре их внимания оказываются преимущественно представления об идеальном, добродетельном епископе. При этом, насколько можно судить, образ епископа дурного не становился предметом специального рассмотрения.

В-третьих, обращение к «Сентенциям» Исидора отнюдь не случайно. Среди авторов вестготской Испании именно прелат Севильи стал первым употреблять понятие *tyrannus* (а точнее, его производные) применительно к

¹ *Sent.* III.41.2: *Elati autem pastores plebes tyrannice premunt, non regunt, quique non Dei sed suam gloriam a subditis exigunt.*

² И хотя в работе Н. Д. Арутюновой речь идет в первую очередь о языке, сказанное применимо и к иным знаковым системам. Также стоит отметить, что норма может находиться как посередине между двумя полюсами, так и совпадать с одним из них.

³ Количество подобных исследований необъятно, приведу лишь наиболее значимые и показательные работы начиная с 1970-х годов, когда начался отход от институциональной истории [Gryson 1968; Guillou 1973; Di Berardino 1998; Aurell, de Borbolla 2004; Dovege 2003, spec. 26–29; George 1987; Brennan 1992 (и ряд других его работ); Coates 2000, esp. 1120–1121; Jeanjean 2008; Lizzi Testa 2009; Danielson, Gatti 2014].

епископам [Martin 2017: 26, 33]⁴. Наконец, стоит помнить, что идеология и культура Толедского королевства, в том числе тексты самого Исидора, имели основополагающее значение для формирования ряда важных особенностей средневековой цивилизации Западной Европы (см., например: [Fontaine, Pellistrandi 1992; Уколова 2010: 197, 206–207]).

«Сентенции» Исидора Севильского и античная риторическая традиция

Среди таких текстов Исидора Севильского, оказавшихся весьма востребованными в Средние века, наравне с «Этимологиями» — трактат «Сентенции» (613–615 гг., 630-е гг. [Madoz 1960: 43; Cazier 1998: xiv–xix]), прообраз позднейших сумм [Madoz 1960: 43]: до нас дошло около 500 рукописей, созданных в VIII–XV вв. [Cazier 1998: VIII]. Однако выбор этого сочинения в качестве основного источника настоящего исследования связан не столько с огромной популярностью и соответствующим влиянием «Сентенций», сколько с их жанровыми особенностями: именно в этом трактате наиболее рельефно представлена фигура плохого епископа.

Понятие *sententia* связано и с римским правом (мнение сената, судебный приговор или дух закона, а также частное мнение юриста, выраженное устно, в монографическом сочинении или включенное в сборники) [Berger 1953: 700–701; Herzog 1989: 65–67; Покровский 1998: 197–198; Бартошек 1989: 291], и с литературной и риторической традицией. В рамках последней наиболее известным и характерным примером являются «Сентенции» Публилия Сира, ключевой особенностью которых был всепроникающий дуализм; в частности, люди были четко разделены на *boni* и *mali*, *probi* и *improbi*, поведение которых предопределялось теми или иными добродетелями и пороками [Bradley 2019: 70–71; Штаерман 1981].

Аналогичным образом построены и «Сентенции» Исидора, особенно их третья книга, значительная часть которой, посвященная епископам, правителям и судьям⁵, описывает модели их поведения через посредство пар *boni / iusti* — *mali / pravi / reprobi*, в рамках которых противопоставление обусловлено наличием конкретных добродетелей или пороков. Такая оппозиция играет в «Сентенциях» структурообразующую роль, поэтому образ дурного епископа представлен более рельефно, чем в текстах предшественников Исидора⁶.

Сентенция — это образное, нередко построенное на параллелизме, анти-тезе или парадоксе [Bonner 1949: 166] изречение, выражающее общеизвестную нравственную истину применительно к набору жизненных ситуаций, которые получали в таком высказывании предельно обобщающее значение [Lausberg 1998: 388–389; Clarke 1996: 95; Bonner 1949: 54; Kos 1990: 89; Kirch-

⁴ Впрочем, этим замечанием С. Мартен и ограничивается.

⁵ Главы 33–46 посвящены епископу, 47 — пастве / подданным (*de subditis*), 48 — обладателям светской власти вообще (*potestas saecularis*), о которых подробнее говорится далее, 49–51 — королю, 52–56 — судьям (а также ключевым участникам судебного процесса), 57 — власть имущим угнетателям бедных и т. д.

⁶ Сказанное отнюдь не означает, что в текстах, написанных ранее, не было замечаний о дурных пастырях. Так, в «Пастырском правиле» Григория Великого (540–604) они встречаются систематически (и в таком количестве, судя по всему, впервые), однако жанровая специфика сочинения римского папы совсем иная.

per 2001: 152]. Ситуации, категоризируемые посредством сентенций, всегда связаны с этико-социальной сферой. В итоге сентенции оказываются предписаниями правильного (добродетельного) общественного поведения [Sinclair 1993: 570–571 ff.; Lausberg 1998: 388].

К этой античной традиции, имевшей уже и свои христианские интерпретации [Fontaine 2002: 179], восходят и «Сентенции» Исидора. Однако прелат Севильи идет дальше: его текст рисует целостную картину бытия. В нее включены Бог, ангелы и люди, выстроенные в определенную иерархию. В итоге все сочинение целиком в функциональном плане отчасти изоморфно отдельной сентенции, являя собой набор предписаний подобающего поведения, категоризирующих описаний и этических оценок тех или иных явлений. В эту структурированную картину бытия встроены и дурной епископ.

Говоря о специфике «Сентенций», необходимо понимать, что христианская культура поздней античности, нашедшая живое продолжение в культурной жизни Толедского королевства [Биркин 2017а: 137–138; 2018а: 212], являлась культурой риторической: через устойчивый набор повторяющихся риторических фигур, метафор и образов она задавала схемы восприятия и осмысления мира [Уколова 2010: 168, 242, 258; Шкаренков 2009]. В таком подходе к познанию действительности нужно выделить два ключевых принципа, отмеченных в свое время С. С. Аверинцевым. Во-первых, определяющую роль играла поэтика «общего места» и синкрисиса, которая была ориентирована на абстрактно-всеобщее и предполагала «познавательный примат общего перед частным» [Аверинцев 1996: 134, 150, 163–164]. Можно даже сказать, что «Сентенции» Исидора, принципиально лишённые конкретных примеров, являют собой предельное воплощение описанной установки. Вторым организующим началом раннесредневековой литературы был принцип параболы: высказывание, говоря о своем непосредственном предмете, одновременно отсылало и к какому-либо иному образу [Аверинцев 1977: 323–334]⁷. Названные принципы определяют специфику «Сентенций». Они помещают какого-либо социального актора в разряд *boni* или *mali*, исходя из набора пороков и добродетелей, которые отсылают к неназванному обобщенному риторическому образу, подразумевающему, в свою очередь, связь с целым рядом других образов и понятий.

Наконец, при рассмотрении образа «епископа-тирана» необходимо учитывать, что через литературную и риторическую традицию интеллектуалы рассматриваемой эпохи так или иначе сохраняли связь с республиканскими идеалами и ценностями [Reydellet 1981: 19–21]. В частности, особую популярность в Толедском королевстве имели сочинения Цицерона, которые оказали заметное влияние на вестготское законодательство [Augov 2006]: при построении своих концепций Исидор и авторы его круга активно использовали восходящий к Цицерону и его эпохе набор понятий и образов, воспринимая их, конечно, через все последующие напластования смыслов и соответствующим образом используя. Поэтому чтобы прояснить, какие смыслы и коннотации могли считываться компетентным читателем той эпохи, ниже ряд разделов статьи будут предваряться краткой историей развития того или иного понятия.

⁷ См. также о сдвиге в сторону эмблематичности и имперсонализации, приведших в Средние века к тому, что в литературе главными героями стали персонифицированные моральные ценности: [Шкаренков 2009: 155–158].

Общая характеристика *episcopus malus* в «Сентенциях»

Обращаясь в третьей книге «Сентенций» к фигуре епископа (главы 33–46), Исидор в первом же изречении этого блока задает основной критерий, в соответствии с которым будет рассматриваться фигура предстоятеля: он должен и распяться миру через умерщвление своей плоти, и смиренно принять церковное управление⁸. Епископ призван выдержать баланс между отречением от мира и неизбежным решением мирских дел, которое должно осуществляться в рамках деятельной жизни (*vita activa*). Во многом именно эта сентенция, особенно ее первая часть, определяет дальнейшее выстраивание образа недостойного епископа.

В следующей главе Исидор в общих чертах описывает недостойных предстоятелей⁹, сначала называя тех, кого не следует допускать к епископскому служению: призванные к исправлению провинностей подчиненных не должны находиться во власти пороков¹⁰. Дурные священнослужители среди прочего стремятся к сану ради своей выгоды, богатства и почета¹¹. Кроме того, в следующей главе Исидор отдельно оговаривает, что не меньший вред могут нанести необразованные епископы, не умеющие наставить и исправить паству¹². Необразованность, с одной стороны, и порочность, с другой — два основных недостатка плохих епископов¹³. Ниже будет рассматриваться вторая составляющая образа дурного предстоятеля: в первую очередь именно она связана с представлениями о плохом епископе как тиране.

Далее Исидор постепенно конкретизирует указанные недостатки дурного епископа. Среди прочего становится ясно, какие пороки (и их комбинация) формируют негативный образ: это гордыня¹⁴ и гнев¹⁵, а также отчасти жестокость и алчность. При этом жестокость является проявлением или гневливо-

⁸ *Sent.* III.33.1: *Vir ecclesiasticus et crucifigi mundo per mortificationem propriae carnis debet, et dispensationem ecclesiastici ordinis, si ex Dei uoluntate proeuerit, nolens quidem, sed humilis gubernandam suscipiat.*

⁹ *Sent.* III.34. De indignis praepositis.

¹⁰ *Sent.* III.34.1: *Non sunt promouendi ad regimen ecclesiae qui adhuc uitii subiacent; III.34.2: Neque enim quisque ad hoc praeficitur ut subditorum culpas corrigat, et ipse uitii seruiat.*

¹¹ *Sent.* III.34.5: *Plerique sacerdotes suae magis utilitatis causa quam gregis praeesse desiderant, nec ut prosint praesules fieri cupiunt, sed magis ut diuites fiant, et honorentur. Suscipiunt enim sublimitatis culmen non pro pastoralis regimine, sed pro solius honoris ambitione, atque abiecto opere dignitatis, solam nominis appetunt dignitatem.*

¹² *Sent.* III.35. De indoctis praepositis.

¹³ *Sent.* III.35. De exemplis pravorum sacerdotum. III.35.1: *...dum mala docent, uel dum faciunt praua»; III.35.1: «Deteriores sunt qui siue doctrinis seu exemplis uitam morisque bonorum corruptunt.*

¹⁴ *Sent.* III.41. De superbis doctoribus. При рассмотрении основных социальных акторов проблема гордыни подробно обсуждается только в связи с епископом. Частичное исключение составляет первая сентенция 48-й главы, посвященной обладателям светской власти.

¹⁵ *Sent.* III.40. De iracundis doctoribus.

сти¹⁶, или гордыни¹⁷. Что касается алчности, то в «Сентенциях» применительно к епископам (в отличие от плохих судей) соответствующая лексика (*avaritia*, *cupiditas* и пр.) не используется¹⁸. Видимо, этот порок был не существенным, а приходящим элементом образа дурного епископа.

Упомянутая в начале статьи сентенция о тираническом поведении плохого предстоятеля проясняет, почему основу его образа составляет именно это сочетание описанных черт (прежде всего гордыня, гнев, жестокость): в рамках римской риторической традиции они соответствуют ключевым характеристикам *tyrannus*. Перед тем как непосредственно перейти к рассмотрению конструирования соответствующего епископского образа, нужно сначала кратко осветить историю понятия *tyrannus* в латинской литературе вплоть до эпохи Толедского королевства вестготов, с которой связано творчество Исидора Севильского.

***Tyrannus*: от Римской республики до Толедского королевства**

Понятие *tyrannus* (как и производное от него *tyrannis*) касалось самых оснований античной культуры — полисных идеалов (и в целом сообразных им представлений о добре и зле), а потому являлось устойчивой частью римской литературы и риторической культуры в целом [Béranger 1975]. Так, тиран был популярной фигурой controversий — одного из важнейших упражнений в риторских школах [Dunkle 1967: 155; 1971: 14–15]. Это был один из образов, наиболее часто встречающихся в инвективах, а обвинения в насилии, жестокости, диком нраве, ярости, безумии, гордыне, жадности и т. п. отсылали именно к этому стереотипу, глубоко укорененному в сознании римлян [Craig 2004: 189–192, 200; Dunkle 1967: 153, 168, 170; Stevenson 2009: 174–186, esp. 185–186]. Большинство этих характеристик впоследствии останутся устойчивыми элементами образа тирана, в том числе в Толедском королевстве.

При этом в республиканском Риме обвинение в тирании могло применяться к любым противникам, которые искали большей власти и в своем поведении могли быть заподозрены в нарушении республиканских устоев [Béranger 1975: 58; Hellegouarc’h 1963: 561–562], т. е. фактически — основ функционирования полиса как института (или совокупности институтов). Суть этого разрушительного воздействия тирании на политические механизмы емко выразил Цицерон: там, где властвует тиран, не может существовать народ¹⁹ (отголоски этого утверждения мы найдем в «Сентенциях» Исидора).

¹⁶ *Sent.* III.40.1: *Iracundi doctores per rabiem furoris disciplinae modum ad inmanitatem crudelitatis conuertunt.*

¹⁷ *Sent.* III.41.5: [adrogantes sacerdotes] uideri uolunt rigidi seueritate, et formam humilitatis praestare nequeunt, ut magis *terribiles* quam mites aspiciantur; III.42.1a: ...atque ita auctoritas aderit potestatis, ne per tumorem cordis seueritas existat inmoderationis. *Seueritas* здесь понимается как чрезмерная строгость, переходящая в жестокость, поэтому в целом синонимична *saevitia* [Cowan 2016; Baraz 1998].

¹⁸ При этом косвенные указания на жадность епископов встречаются, см.: *Sent.* III.34.5, 45.2. См. также IV *Tolet.* Can. 33.

¹⁹ В пересказе Августина: *De civ. Dei.* II.21.91: ...cum tyrannus eam factione capesseret, nec ipse populus iam populus esset... Cfr.: *Cic. Rep.* III.31.43.

Стабильность соответствующих республиканских представлений о тиране и их трансляцию в эпоху Империи обеспечивали упомянутые контroversии, которые, как и риторическое образование в целом, оказывали непосредственное влияние на формирование идентичности элиты греко-римского мира [Habinek 2005: 10–15, 60–78]. В школьных контroversиях, где риторический образ тирана нашел наиболее полное отражение, неизбежным следствием тирании являлись смута, уничтожение права и законов, конфискации имущества, нарушение принципа равенства и разрушение социальной иерархии и согласия в гражданском коллективе, которым тиран управлял за счет страха и насилия и из которого он сам был выключен [Tabacco 1985: 14–51]²⁰. Всем своим поведением, поправием установленного социального порядка тиран действовал вопреки вере, традиционной римской религии, благочестию в самом широком смысле, а потому другой важнейшей характеристикой тирана, которая в христианскую эпоху получила дальнейшее развитие, стало нечестие [Tabacco 1985: 126–131]²¹.

Христианские писатели, чтобы сделать образы гонителей христиан и дурных императоров культурно узнаваемыми, использовали описанную риторическую модель тирании, приравнивая гонителей христиан к тиранам [Flower 2013: 61–68; Gaddis 2005: 17]²². Однако, как и прежде, переосмысленная в христианской литературе фигура тирана была в первую очередь связана с идеей политического и социального беспорядка и значительных общественных потрясений, к которым неизбежно приводила деятельность угнетателей [Кривушин 1998: 102].

Вместе с тем, как отмечает С. Тейе, в течение IV в. концепт «тиран» усложняется и выделяется несколько условных линий употребления, которые нередко переплетаются: «историографическое» понимание тирана как узурпатора²³ берет начало от Руфина и Орозия, а «агиографическое» — как языческого/еретического правителя, гонителя и нечестивого²⁴ врага Бога — от Евсевия, Лактанция и разного рода текстов, прославляющих мучеников и святых; кроме того, сохраняется понимание тирана как дурного правителя, осмысление образа которого теперь происходит по большей части через призму первых двух моделей [Teillet 2011: 89–94, 396, 549]²⁵. Так или иначе, понятие тирании в целом приобретало все более глубокое религиозное измерение, в рамках которого

²⁰ Более того, что касается отсутствия тирана в гражданском коллективе, Цицерон — в силу специфики полисной системы ценностей — исключает тирана из человеческого рода вообще, см.: *Rep.* II.26.48: *Quis enim hunc hominem rite dixerit, qui sibi cum suis civibus, qui denique cum omni hominum genere nullam iuris communionem, nullam humanitatis societatem velit?*» Cfr.: *De off.* III.6.32.

²¹ Слова *impius / impietas*, по крайней мере в декламационных текстах, используются редко и относятся к нарушению семейных уз [Tabacco 1985: 127, n. 353] (cfr.: *Ps.-Sen. Octavia.* 363, 619). Для обозначения нечестивости пока используются соответствующие прилагательные *nefarius* или *sacrilegus*.

²² Нередко в ранних мученичествах тот или иной обладающий властью чиновник (например, префект) в тот момент, когда он непосредственно вступает в контакт с мучеником и уже выступает в роли гонителя, начинает именоваться тираном [Musurillo 1972: 189, n. 5].

²³ Понимание тирана как узурпатора возвращается, по-видимому, в III в., в эпоху солдатских императоров [Castillo Lozano 2019: 14–15].

²⁴ С IV в. устанавливается оппозиция *pietas / impietas* как качеств хорошего императора и тирана соответственно [Flower 2013: 98].

²⁵ Впрочем, в V и VI вв. законного правителя, даже плохого, редко называли тираном; та же ситуация наблюдается в Толедском королевстве второй половины VII в. [Martin 2017: 21].

фигура тирана соотносилась с дьяволом и бесами, а его действия по наущению последних постепенно приобретали все более выраженные эсхатологические коннотации и вписывались в космический масштаб извечного противостояния Бога и дьявола [Кривушин 1998: 102; Teillet 2011: 92, 363, 396–397; Flower 2013: 112–113; Castillo Lozano 2019: 26–28; Lunn-Rockliffe 2007: 173–174].

Отмечу также, что по наблюдениям М. Гэддиса, сделанным на восточно-римском материале IV–V вв., в этот период модель тирана и ее элементы стали использоваться, среди прочего, и для описания поведения епископа. Как полагает Гэддис, возникновение соответствующего образа, выстроенного вокруг проблемы насилия, было связано с осмыслением роста епископской власти. И согласно античной традиции, в центре соответствующей риторике стоят именно моральные качества в связке с разрушительным влиянием власти на человека: если епископ не выдерживает испытания властью, то он, становясь тираном, ею злоупотребляет и использует ее исключительно в своих целях, а не в интересах общины, Церкви и Бога [Gaddis 2005: 251–283, esp. 271–272].

В политической мысли Толедского королевства тема тирании становится одной из важнейших начиная с «Хроники» Иоанна Бикларского (ок. 550 — 614/621) [Teillet 2011: 445]. И если в созданном несколько позднее житии Масоны Меридского воплощен образ «агиографического» тирана-гонителя [Teillet 2011: 550], то в тексте настоятеля бикларского монастыря, как и в исторических сочинениях Исидора, латинское слово *tyrannus* и его производные используются для обозначения мятежника или узурпатора²⁶. Концепция же тирана как плохого правителя представлена в энциклопедических и богословских трактатах севильского прелата, о чем будет сказано ниже.

По словам С. Тейе, благодаря 75-му канону IV Толедского собора под председательством Исидора (633 г.), ставшему ключевым шагом в сакрализации власти вестготского короля, тема узурпации и тирании окончательно приобрела в Толедском королевстве религиозный характер. Это, в свою очередь, создало предпосылки для синтеза всех трех указанных аспектов понятия «тиран» в образе мятежного дукса Павла из «Истории короля Вамбы» (конец 670-х — начало 680-х годов) [Teillet 2011: 397, 520–522, 550]. В этом законченном виде тиран — нечестивый и жестокий узурпатор, чья власть покоится на самовольном захвате, клятвопреступлении и насилии, кто как богоборец, представитель власти дьявола и царь гибели (*rex perditionis*)²⁷ ведет к ней народ [Ibid.: 592–594, 605–606 ff.; Castillo Lozano 2019: 189].

Все эти аспекты образа тирана так или иначе отражены и в представлениях Исидора²⁸. Прелат Севильи раскрывает сущность понятия *tyrannus*

²⁶ Iohan. Bicl. Chron. 578.4, 579.3, 582.3, 584.2, 585.6, 588.1, 590.3; Is. Hisp. Chron. 359, 364; Is. Hisp. Hist. 46, 47, 49, 57, 82–84, 92.

²⁷ Hist. Wamb. 30. Очевидная аллюзия на слова из Нового Завета «сын гибели» (Ин 17:12; 2 Фес 2:3) [Teillet 2011: 606].

²⁸ Концепция тирана как плохого правителя, как утверждал виднейший специалист по истории вестготов Х. Орландис, якобы являлась лишь эрудитским теоретическим построением и не соответствовала действительности того времени (в отличие от чуть ли не юридически точного употребления *tyrannus* в значении ‘узурпатор’), а потому не нашла отражения в соборных постановлениях, как случилось с другими идеями Исидора [Orlandis 1959]. Однако сейчас такое резкое противопоставление двух концепций и соответствующего словоупотребления считается необоснованным: в каком бы значении слово *tyrannus* ни было использовано, оно хотя бы имплицитно отсылало к остальной своей семантике [Martin 2017: 21, 24–25].

в паре с понятием *rex* (король). Тирани и король составляют оппозицию как плохой и хороший правители соответственно²⁹, что выявляет существенные черты каждого. Обладатель тиранической власти характеризуется Исидором как жестокий (*inimicus*), кровожадный (*crudelis*) и бесчестный (*impius*)³⁰. Описание тирана, особенно в противопоставлении с королем, предполагает гнев³¹ и неумеренность³², в силу которой, например, строгость превращается в жестокость. В свою очередь, слово *impius* указывает на ряд важных характеристик тирана. Так, благочестие (*pietas*) наравне со справедливостью — ключевая добродетель короля. Однако одно без другого не может существовать, поскольку отсутствие *pietas* ведет к суровости³³, которая в своей чрезмерности становится жестокостью тирана (ср. [Марей 2014: 236–239]). Но важнее, что, поскольку нечестивец чужд всякого религиозного благочестия, он вообще выключен из системы соответствующих связей и в целом сообщества христиан³⁴ (это отчасти аналогично идее Цицерона, что тирана не связывают никакие узы с гражданами и людьми).

Согласно Исидору, тирани осуществляет по отношению к народу крайне жестокое господство и удовлетворяет свою страсть к единовластию³⁵. Слово *dominatio* (господство, единовластие), став еще в республиканскую эпоху частью «антитиранической» риторики и обозначением власти тирана, указывало в первую очередь на отсутствие верховной власти в руках народа [Hellegouarc'h 1963: 562]³⁶. *Dominatio* земных правителей исключает забо-

²⁹ *Etym.* IX.3.20: *Iam postea in usum accidit tyrannos vocari pessimos atque improbos reges...*

³⁰ *Etym.* I.31.1: *rex modestus et temperatus, tyrannus vero crudelis; II.29.7: rex est modestus et temperans, tyrannus vero impius et inimicus; IX.3.20: Iam postea in usum accidit tyrannos vocari pessimos atque improbos reges, luxuriosae dominationis cupiditatem et crudelissimam dominationem in populis exercentes.*

³¹ *Diff.* I.49: *...modestus qui nec laesus irascitur...*

³² *Etym.* X.168: *Modestus dictus a modo et temperie, nec plus quicquam nec minus agens.*

³³ *Etym.* IX.3.5: *Regiae virtutes praecipuae duae: iustitia et pietas. Plus autem in regibus laudatur pietas; nam iustitia per se severa est; X.250: Severus, quasi saevus verus; tenet enim sine pietate iustitiam.*

³⁴ *Diff.* I.86 (298): *Inter impium et peccatorem hoc distare solet, quod omnis impius peccator, non tamen omnis peccator habendus est impius. Impius quippe est quisquis a fidei pietate alienus efficitur, peccator vero qui prava actione foedatur; Etym. X.132: Impius, quia sine pietate religionis est. Impius namque pro infideli ponitur: et dictus impius quod sit a pietate religionis alienus.*

Слово *infidelis* могло обозначать нечестного и недобросовестного человека вообще, а также нехристианина, иноверца. Судя по всему, именно последние коннотации могли считываться в первую очередь.

³⁵ *Etym.* IX.3.20: *Iam postea in usum accidit tyrannos vocari pessimos atque improbos reges, luxuriosae dominationis cupiditatem et crudelissimam dominationem in populis exercentes.*

³⁶ См. также: *Etym.* IX.3.6: *Consules appellati a consulendo, sicut reges a regendo, sicut leges a legendo. Nam cum Romani regum superbam dominationem non ferrent, annua imperia binosque consules sibi fecerunt. Nam fastum regium non benivolentia consulentis, sed superbia dominantis erat. Hinc igitur consules appellati, vel a consulendo civibus, vel a regendo cuncta consilio.*

ту о подчиненных, а также разумность их действий³⁷, предполагая вместо этого страх, основанный на власти (*potestas*)³⁸. Более того, земной правитель, будучи человеком, не должен называться *Dominus* (Господом)³⁹. И фактически тирания с сопутствующим нечестием уподобляется акту богоборчества⁴⁰.

Тиран в текстах Исидора Севильского являет собой христиански контаминированный образ, корнями уходящий к республиканской эпохе и унаследованный через римскую риторическую традицию. Основанная на жажде власти, жестокости и насилии деятельность тирана вела к разрушению социальных устоев и, будучи сопоставимой с борьбой против Бога, имела религиозно-политическое измерение.

Теперь, уже в рамках заданного контекста, необходимо вернуться к более подробному рассмотрению пороков плохого епископа, а затем — прямых указаний Исидора на тираническое поведения предстоятеля.

Пороки дурного епископа

Говоря о пороках дурного предстоятеля, необходимо учитывать следующий момент. В 29-й главе второй книги «Дифференций» Исидор пишет о вожделении плоти (*concupiscentia carnis*) и вожделении духа (*concupiscentia spiritus*), соотнося с первым пороки, а со вторым — добродетели. Принципиально, что их сопоставление пронизано противопоставлением сакрального и секулярного (небесного/святого и земного/мирского)⁴¹. При этом нужно осознавать, что эти слова Исидора образованные читатели той эпохи могли

³⁷ *Etym.* IX.3.2: ...Hinc igitur consules appellati, vel a consulendo civibus, vel a regendo cuncta consilio; IX.4.6: Senatus consultus a consulendo et tractando est dictus, quod sic fit, ut consuleat et nocere non possit; *Sent.* III.49.3: Dedit Deus principibus praesulatum pro regimine populorum, et illis eos praeesse uoluit cum quibus una est eis nascendi moriendique conditio. Prodesse ergo debet populis principatus, non nocere, nec dominando premere, sed condescendendo consulere, ut uere sit utile hoc potestatis insigne, et donum Dei pro tuitione utantur membrorum Christi. Cfr.: *DEO* I.30.2: Christus pro reatu mundi redemptio daretur et hostis antiquus uelut hamo crucis caperetur, scilicet ut quos obsorbuerat euomeret et praedam quam tenebat amitteret, non potentia uictus sed iustitia, non dominatione sed ratione.

³⁸ *DEO* II.1.1: Inter Deum et Dominum ita quidam definierunt ut in Dei appellatione Patrem, in Domini Filium intellegerent <...> Sed tamen inuicem haec uocabula discernuntur. Primum enim naturae nomen est pertinens ad amorem; secundum potestatis, congruens ad timorem.

³⁹ *Etym.* IX.3.17: ...Octavianus postea uero <...> pronuntiatum esset illi a populo ut vocaretur et Dominus, statim manu uultuque averso indecoras adulationes repressit et Domini appellationem ut homo declinavit...

⁴⁰ *Etym.* VII.6.22: Nembroth interpretatur tyrannus. Iste enim prior arripuit insuetam in populo tyrannidem, et ipse adgressus est aduersus Deum impietatis aedificare turrem.

⁴¹ *Diff* II.29: Concupiscentia namque carnis primum inlecebras uitiorum in cogitationibus gignit; concupiscentia uero spiritus e contrario cogitationes sanctas indesinenter opponit <...> Illa gaudet spectaculis rerum terrestrium, ista contemplationem caelestium gaudiorum... Illa auaritiaie flamma succensa appetit lucrum et fugit damna temporalium rerum; ista contemnens mundum solum sibi uindicat Christum <...> Illa ambitione honorum inficitur et humanis laudibus, uel inlecebris uanae gloriae delinitur; ista humilitatem amat, et soli Deo suo <...> placere delectat. (Etc.)

понимать в контексте образа двух градов: земной живет по плоти (*secundum carnem*), небесный — по духу (*secundum spiritum*)⁴². В свою очередь, согласно Исидору, клир — и епископ прежде всего — обладает сакральным статусом и, физически находясь в миру, существует вне мирского измерения, благодаря чему вообще было возможно служение Богу и воспитание паствы [Биркин 2018b]⁴³. Именно в этом ключе необходимо рассматривать первую в посвященном епископам блоке и задающую критерий для оценки предстоятеля сентенцию, согласно которой епископ, смиренно приняв церковное управление, должен через умерщвление плоти распяться миру⁴⁴.

Iracundia и crudelitas

Как было сказано выше, среди конкретных пороков недостойного предстоятеля в «Сентенциях» отдельно оговорены гнев (а точнее гневливость — *iracundia*) и гордыня (*superbia*), которые, как будет показано ниже, заданы риторическим образом тирана.

Гневу епископов Исидор уделяет совсем немного внимания. Однако выделение соответствующих двух сентенций в отдельную главу («О гневливых учителях») свидетельствует, что наличие этого порока осознавалось как принципиальный недостаток именно для предстоятеля.

Гневливость (*iracundia*) епископа, по Исидору, ведет к дикой жестокости (*crudelitas*)⁴⁵. Чтобы не возникло ощущения, что далее различные термины (*ira*, *iracundia* и *crudelitas*) рассматриваются бессистемно, нужно отметить два момента. Во-первых, в латинском языке слова *iracundia* и *ira* могли использоваться как взаимозаменяемые синонимы, при этом *ira* обозначало самый широкий набор гневных состояний и их проявлений [Harris 2001: 69–70; Kaster, Nussbaum 2010: 115, n. 186], поэтому Исидор в своих «Дифференциях» посвящает этому вопросу отдельную лемму⁴⁶. Во-вторых, хотя базовые значения слов *ira* и *crudelitas* различались, первый термин зачастую подразумевал второй (т. е. гнев проявлялся в форме жестокости) [Griffin 1992: 156].

Итак, как говорилось выше, жестокость составляла ключевой элемент риторического образа тирана — как в республиканскую эпоху или в период поздней Империи, так и в Толедском королевстве [Béranger 1975: 58; Dunkle 1967: 151–152, 169; Flower 2013: 67; Castillo Lozano 2019: 189 passim]. Обвинения в *crudelitas* могли подразумевать организованные тираном убийства или изгнания его политических оппонентов, но прежде всего имелись в виду любые безжалостные акты произвола и самоуправства [Dunkle 1967: 169; 1971: 19].

⁴² *De civ. Dei*. XIV.1: non tamen amplius quam duo quaedam genera humanae societatis existent, quas ciuitates duas secundum scripturas nostras merito appellare possemus. Vna quippe est hominum secundum carnem, altera secundum spiritum uiuere (...) uolentium.

⁴³ Кратко об оппозиции сакрального и секулярного у Исидора Севильского см.: [Биркин 2018b: 29–31].

⁴⁴ См. выше: *Sent.* III.33.1.

⁴⁵ *Sent.* III.40.1: Iracundi doctores per rabiem furoris disciplinae modum ad inmanitatem crudelitatis conuertunt.

⁴⁶ *Diff.* I. 92.

Неконтролируемое своеволие — следствие гнева: Цицерон, Сенека и многие другие уподобляли его безумию⁴⁷. Поэтому гнев играл важную роль в образе тирана: как считалось, он не способен себя контролировать⁴⁸, что вело ко всякого рода насилию [Gaddis 2008: 278]⁴⁹. Насилие проявлялось, в частности, в заведомой неумеренности наказаний, накладываемых тираном: ответственный за соответствующие решения человек, будучи в гнев, не способен соблюсти меру и справедливость⁵⁰.

В христианскую эпоху гнев при определенной двойственности его понимания, в некоторых случаях его допускавшей [Harris 2001: 397–399; Little 1998: 12–14 ff.], считался одним из главных пороков — во многом благодаря аскетической традиции. Так, при еще большем распространении важнейшей для античности идеи самоконтроля с соответствующим видением гнева как маркера необузданности [Harris 2001: 398–399; Smith 2011: 38], бытовала точка зрения, что гнев отторгает от Бога, делая молитвы и тем более созерцание недейственными [Little 1998: 11; Evans 1988: 107]. Наконец, постепенно возникает идея, окончательно сформировавшаяся в каролингскую эпоху, что невоздержанность и гнев есть *imago diaboli* [Little 1998: 19; Smith 2011: 59].

Наконец, Мартин Брагский, наиболее близкий Исидору в хронологическом и географическом отношении автор, в своем трактате «De ira»⁵¹ подчеркивает произвол и упрямство гневного человека: по его словам, гнев судит по прихоти (*ex proprio libitu*), не признавая ошибочности своего мнения⁵². Наконец, гнев все лучшее и справедливейшее обращает в его противоположность, в том числе короля — в тирана⁵³.

В описанном контексте связи гнева с произволом и несправедливостью, с фигурами тирана и дьявола (как было сказано выше, оба образа воспринимались один через другой), а также с отторжением от Бога и стоит рассматривать слова Исидора, посвященные гневливым (*iracundi*) епископам.

⁴⁷ *Tusc. disp.* IV.52: An est quicquam similis insaniae quam ira?; Ibid. 77: itaque iratos proprie dicimus exisse de potestate, id est de consilio, de ratione, de mente; Sen. *De ira.* I.1.2: Quidam itaque e sapientibus uiris iram dixerunt breuem insaniam. Такое понимание гнева сохранится и во времена Исидора, см.: Mart. Brac. *De ira.* 1.2.

⁴⁸ В отношении гнева ключевой была идея именно самоконтроля [Harris 2001].

⁴⁹ В виде всевозможных конфликтов, вплоть до войн с сопутствующими разрушениями, см.: Sen. *De ira.* I.2.1–2.

⁵⁰ *De off.* I.89: ...prohibenda autem maxime est ira puniendo; numquam enim iratus qui accedet ad poenam mediocritatem illam tenebit, quae est inter nimium et parum (...). Illa [ira] vero omnibus in rebus repudianda est optandumque, ut ii, qui praesunt rei publicae, legum similes sint, quae ad puniendum non iracundia, sed aequitate ducuntur.

⁵¹ Исидор прямо пишет, что читал его сочинения, см. *De vir. ill.* 22: Cuius quidem ego ipse legi librum de differentis quattuor uirtutum, et aliud uolumen epistolarum in quibus hortatur uitae emendationem et conuersationem fidei, orationis instantiam, elemosynaram distributionem, et super omnia cultum uirtutum omnium pietatem. Правда, входило ли «De ira» в этот «другой том», однозначно сказать сложно.

⁵² Mart. Brac. *De ira.* 3.1: Ira ex proprio libitu iudicat, audire non vult nec patrocínio relinquit locum. Iudicium suum eripi sibi, etiam si pravum sit, non sinit. Amat et tuetur errorem suum nec vult argui, etiam si oculis manifesta veritas ingeratur.

⁵³ Mart. Brac. *De ira.* 3.1: Ira omnia ex optimo et iustissimo in contrarium mutat (...). Da regi: tyrannus est. Примечательно, что в одноименном трактате Сенеки, стоящем за текстом Мартина, этого фрагмента нет.

Этот контекст стоит уточнить: по словам прелата Севильи, гневливость является пороком, а люди, которые легко и часто приходят в состояние гнева, неправедны⁵⁴. Кроме того, понятие воздержания (*continentia*), к которому были особо призваны клирики⁵⁵, предполагало не только целомудрие, но и сдержанность во вредных стремлениях и в волнениях души, прежде всего в гнев⁵⁶. То есть гневливый епископ был порочен и не соответствовал основным предписаниям к образу жизни и сакральному статусу клирика. Наконец, в 4-м каноне XI Толедского собора слово *ira* (четко соотнесенное с *iracundia*) могло выступать синонимом и собственно причиной раздора (*discordia*): тем епископам, которые были в раздоре с другими архиереями и упорствовали при этом в своем гневе, канон запрещал совершать евхаристию и отлучал их от причастия до тех пор, пока они не примирятся (или один из них не простит другого) и не выполнят епитимию⁵⁷.

Согласно Исидору, гневливые епископы в исступленной ярости обращают умеренность дисциплины в безмерность (*inmanitatas*) жестокости, т. е. карают без меры⁵⁸. Здесь важна игра слов: *inmanitatas* может также означать «свирепость», «дикость» и т. п. Имея в виду соответствующие коннотации⁵⁹, Исидор подчеркивает ужас и бесчеловечность подобных действий дурного епископа и тем самым усиливает характеристики, отсылающие к тирану⁶⁰ (в том числе в виде слов *rabies furoris*, подчеркивающих безумие⁶¹). И среди них важнейшая — жестокость (*crudelitas*), которая ассоциировалась с насильственными

⁵⁴ *Diff.* I.92: *iracundia autem uitium naturale et perpetuum est (...)* *iracundus autem frequenter irascitur et ad leuem sermonis auram (...)* commouetur. De talibus dicit Scriptura: «Vir iracundus inhonestus est». Et iterum: «Iracundus effodit peccata».

⁵⁵ Таково было одно из значений тонзуры (*DEO* II.4.1), не говоря уже о сдержанном во всех отношениях поведении члена духовенства, в том числе и в его физиогномических проявлениях (*DEO* II.2.1–2).

⁵⁶ По крайней мере о нем сказано прямо, см. *Etym.* X.35: *Continens non solum in castitate dicitur, sed et in cibo et potu, in ira quoque et vexatione mentis et detrahendi libidine. Et continens, quod se a multis malis absteineat.* Cfr.: *Sent.* II. 40.1–14.

⁵⁷ *XI Tolet. Can.* 4: *Cum (...)* apostolus Paulus (...) dicens: «Non occidat sol super iracundiam uestram et nolite locum dare diabolo», relatae sunt nobis quorundam sacerdotum personae in tantam obstinationis efferbuisse discordiam ut non solum illos ab ira occasus solis non reuocet, sed ne annosa quidem transactio temporum ad bonum caritatis reclinet... Horum igitur et similium discordantium fratrum oblationes (...) nullo modo recipiendas esse censemus. De personis (...) discordantium (...) praecipimus, ut antequam eos reconciliatio uera innectat, nullus eorum accedat ad altare Domini audeat uel gratiam communionis sanctae percipiat, sed geminato tempore per paenitentiam audeant quod discordiae seruiuerunt (...) ut tempus quod quisque in iram expendit, geminatum in paenitentiae satisfactione persoluat.

Хотя речь, скорее всего, идет о конфликте с другими епископами, однозначно сказать, что имеется в виду, все же затруднительно.

⁵⁸ *Sent.* III.40.1: *Iracundi doctores per rabiem furoris disciplinae modum ad inmanitatem crudelitatis conuertunt; III.40.2: ...sine mensura ulciscitur culpas praepositus iracundus...* Коннотации глагола *ulcisci* связаны, прежде всего, с идеей мести и возмездия; собственно жажда мести и есть гнев, см. *Diff.* I.111: *Sunt autem multae uariaeque libidines, sicut libido ulciscendi, quae ira uocatur; sicut libido habendi pecuniam, quae auaritia nominatur...* См. также: *Etym.* IX.2.135, XVIII.1.3. Ср. примеч. 50.

⁵⁹ *Etym.* X.139: *Inmanis, quia non bonus sed crudelis, [atque] terribilis.*

⁶⁰ При чем плотность подобных характеристик на одно предложение применительно к епископу несколько выше, чем по отношению к гневливому судье, см.: *Sent.* III.52.13–16.

⁶¹ *Diff.* I.92: *Insanus est qui perpetuo animi furore tenetur.*

действиями⁶². Необходимо понимать, что речь идет в первую очередь о наложении епископом епитимьи, которая в определенных случаях вела к поражению в правах и фактически к гражданской смерти (подробнее см.: [Fernandez Alonso 1955: 511–573]) и которая могла быть настолько невыносимой, что люди кончали жизнь самоубийством⁶³.

Наконец, безмерная жестокость ведет к *apostasia*⁶⁴, т. е. вероотступничеству, отпадению от Церкви и Бога⁶⁵. Поэтому даваемое в следующей сентенции объяснение таких поступков епископов представляется однозначно вписанным в широкий контекст: эти пастыри неспособны сосредоточиться на любви к Богу⁶⁶.

Таким образом, гневливый предстоятель определял меру наказания неадекватно и своевольно, по своей прихоти, исходя из своих предпочтений и необоснованных суждений. В большинстве случаев это приводило к жестокости, которая действительно могла быть чревата кровопролитием и (само)убийствами. Действуя подобным образом, дурной епископ по сути становился отступником, тираном и в этом своем последнем качестве уподоблялся дьяволу — падшему ангелу, из-за своего произвола лишенному созерцания Творца⁶⁷.

Superbia

Наибольшее же внимание в связи с фигурой недостойного епископа Исидор уделяет гордыне (*superbia*) (*Sent.* III.41.1–7).

В эпоху республики, как отмечает Ж. Эллегуар, этим латинским словом могли обозначать чувство превосходства и, что важнее, отчужденности нобилитета от остальных социальных групп [Hellegouarc’h 1963: 439], т. е. гордыня (в противовес законной гордости человека за свои свершения, подразумевавшейся, среди прочего, такими позитивно окрашенными этическими категориями, как *honor* и *virtus*) вела к разрушению сплоченного гражданского коллектива. В римской риторической традиции, как уже отмечалось, гордыня (предельное самомнение) — неотъемлемая черта тирана, из-за которой он навязывает народу свою волю вопреки желаниям сограждан [Dunkle 1971: 19; Hellegouarc’h 1963: 440]⁶⁸. Нередко причина жестокости того или иного объ-

⁶² *Diff.* I.374; III *Tolet. Can.* 17.

⁶³ XVI *Tolet. Can.* 4.

⁶⁴ *Sent.* III.48.8: *Quidam ipsud nomen regiminis ad inmanitatem transuertunt crudelitatis, dumque ad culmen potestatis uenerint, in apostasiam confestim labuntur...*

⁶⁵ *Etym.* VII.10.5: *Apostatae dicuntur, qui post baptismum Christi susceptum ad idolorum cultum et sacrificiorum contaminationem reuertuntur; VII.5.30: Hic est ordo vel distinctio angelorum, qui post lapsum malorum in caelesti vigore steterunt. Nam postquam apostatae angeli ceciderunt...* См. также [Mellado Rodriguez 1990: 66].

⁶⁶ *Sent.* III.40.2: *Ideo sine mensura ulciscitur culpas praepositus iracundus quia cor (...) non colligitur in amorem unius deitatis.*

⁶⁷ *Cfr.: Sent.* I.10.2: *Mutabilitatem itaque naturae [angelorum] suffragat in illis contemplatio Creatoris. Inde et priuatus est apostata angelus, dum fortitudinem suam non a Deo, sed a se uoluit custodire.*

⁶⁸ В принципе гордыня могла считаться причиной любого действия против общих интересов [McDonnell 2006: 377].

екта инвективы квалифицируется именно как гордыня⁶⁹. В конкретном изменении последняя предполагала предельную концентрацию власти и ресурсов в одних руках, что потенциально вело к стремлению бесконечно расширять свои возможности за счет других, вплоть до установления царской власти/тирании [Baraz 2008: 380–383]. Таким образом, гордыня предстает как анти-социальный порок, ведущий к разрушению *res publica*.

Христианство, сохранив негативное отношение к гордыне как причине разрушения сообщества граждан (и в более широком смысле — любой человеческой общности), задало совершенно иную перспективу, которая на латинском Западе приобрела ясные очертания благодаря Аврелию Августину⁷⁰, чье понимание гордыни оставалось релевантным в эпоху поздней античности и раннего Средневековья. Более того, сочинения Августина оказали серьезное влияние на воззрения Исидора Севильского [Martín 2013: 1195]⁷¹.

Согласно Августину, при отсутствии знания об истинном Боге античные представления о добродетелях (как вся греко-римская система ценностей) оказываются не имеющими значения и фактически ложными, поскольку их основой была гордыня⁷². В свою очередь, последняя, будучи источником любви к себе (вплоть до презрения к Богу и полного освобождения от Его власти) и разрушением божественного порядка, стала причиной грехопадения и возникновения града земного [Cavadini 1999; Green 1949; MacQueen 1973]⁷³.

Любовь к себе как проявление гордыни беспокойна (*turbulentus*), мятежна (*sediciosus*) и, направленная против общей пользы (*communis utilitas*) ради своего господства, стремится подчинить ближнего⁷⁴. В итоге гордыня (в понимании Р. Маркусом августиновской концепции) ведет к отчуждению на всех уровнях: от Бога, от самого себя, от природы и от общества [Markus 1988: 14]. По сути, гордый человек, согласно Августину, в попытке подражать Богу стремится заменить Его и наложить на других людей свое господство (*dominatio*)⁷⁵, что фактически лишает гордеца социальности и тем самым человечности [Holland 2020: 52]. Результатом становятся дезорганизация соци-

⁶⁹ *Sent.* III.41.5. Cfr. [Hellegouarc'h 1963: 440].

⁷⁰ Ясно, что без влияния античной философии и конкретно в этом случае неоплатонизма не обошлось [Green 1949: 419–421; Rist 1994: 96–97, 102–104, 188–191].

⁷¹ При этом нужно понимать, что идеи Августина Исидор мог выражать без дословного цитирования, иными словами [Martín 2013: 1194–1195; Elfassi 2020: 42–43], порой используя для этого даже выражения третьих авторов (в качестве примера см.: [Воронцов 2012: 99–100]).

⁷² *De civ. Dei.* XIX.25: «*Nam qualis corporis atque uitiorum potest esse mens domina ueri Dei nescia nec eius imperio subiugata, sed uitiosissimis daemonibus corruptentibus prostituta? Proinde uirtutes (...) rettulerit nisi ad Deum, etiam ipsae uitia sunt potius quam uirtutes. Nam licet a quibusdam tunc uerae atque honestae putentur esse uirtutes, cum referuntur ad se ipsas nec propter aliud expetuntur: etiam tunc inflatae ac superbae sunt, ideo (...) uitia iudicanda sunt.*

⁷³ См. также наглядную схему соотношения *superbia* (в разных ее аспектах), *auaritia*, *cupiditas*, *uoluntas propria* и *amor sui* в представлениях Августина [Fuchs 1977: 41].

⁷⁴ *De Gen. ad lit.* XV.20: *Hi duo amores, quorum alter sanctus est, alter immundus; alter socialis, alter privatus; alter communi utilitati consulens propter supernam societatem, alter etiam rem communem in potestatem propriam redigens propter arrogantem dominationem (...) alter tranquillus, alter turbulentus; alter pacificus, alter seditiosus (...) alter subicere proximum sibi.*

⁷⁵ *De civ. Dei.* XIX.12: *Sic enim superbia peruerse imitatur Deum. Odit namque cum sociis aequalitatem sub illo, sed inponere uult sociis dominationem suam pro illo.*

альных отношений, конфликты, насилие, несправедливость, притеснения и т. д., а в Церкви — расколы и ереси [MacQueen 1973: 265–274]. Как видно из сказанного выше, само понимание гордыни изоморфно восприятию фигуры тирана.

В общем виде, согласно Исидору, гордыня (*superbia*) связана с желанием быть выше (*supergrēdi*) того, чем гордец является в действительности⁷⁶: по сути, *superbia* — это пересечение установленных границ⁷⁷, конкретнее — нарушение [Baraz 2008: 380] существующих правил с сопутствующей деформацией установленного порядка⁷⁸. Вслед за Григорием Великим Исидор писал, что гордыня — царица, мать и предводительница всех остальных пороков⁷⁹. В «Дифференциях» севильский епископ выделяет три конкретных вида гордыни: первый относится к тем, кто презирает Божьи предписания, второй — к тем, кто лишь формально соблюдает заповеди, чтобы только казаться добродетельными, третий — к тем, кто не подчиняется приказам старших⁸⁰. Тем не менее все виды гордыни связаны между собой идеей нарушения порядка и неподчинения: любой грешник — гордец, поскольку преступает божественные предписания из-за неповиновения⁸¹, а человек, одержимый гордыней, в свою очередь, подражает гордыне дьявола, в том числе и за счет своих мнимых добродетелей⁸². Касательно последних важно, что во многом именно благодаря гордыне добродетели, по существу, обращаются в пороки⁸³.

Необходимо особо отметить, что, согласно тогдашним представлениям, восходящим еще к античности, поступок условно разделялся на необходимое действие как таковое (нередко выражавшееся в категории обязанности — *officium*) и его внутреннюю мотивацию (*finis*), которая и служила основанием

⁷⁶ *Etym.* X.248: Superbus dictus quia super vult videri quam est; qui enim vult *supergrēdi* quod est, superbus est.

⁷⁷ Cfr.: *Etym.* I.24.11: *Inspectiva* [philosophia] dicitur, qua *supergressi* visibilia, de divinis aliquid et caelestibus contemplamur, eaque mente solummodo inspicimus, quoniam corporeum *supergrēdiuntur* obtutum.

⁷⁸ Например: *LI* II.1.24(26): *Cognovimus multos iudices eo, quod, per cupiditatis occasionem supergrēdientes legum ordinem, ex causis tertiam sibi presumant tollere partem.* В средневековой латыни глагол *supergrēdi* означал в первую очередь 'преступать, нарушать закон' [Niermeyer 1976: 1005]. Ср. также [Baraz 2008: 380].

⁷⁹ *Diff.* II.41: *Septem autem sunt perfecta uel principalia uitia (...) gulae concupiscentia, fornicatio, auaritia, inuidia, ira, tristitia, inanis gloria, nouissima dux ipsa et earum regina superbia;* *Sent.* II.37.8: *Principalium septem uitiorum regina et mater superbia est.* Cfr.: *Mor.* XXXI.45.87.

⁸⁰ *Diff.* II.41: *Primum namque genus superbiae est eorum qui per transgressionem culpae contemptui habent diuina praeepta; secundum genus eorum qui ex conseruatione mandatorum adtolluntur elatione uirtutum; tertium genus est eorum qui per contumaciam mentis subdi dignantur seniorum imperiis.*

⁸¹ *Sent.* II.38.2: *Omnis peccans superbus est eo quod faciendo uetita contemptui habeat diuina praeepta. Recte ergo initium omnis peccati superbia, quia nisi praecesserit mandatorum Dei inobedientia, transgressionis non sequitur culpa.*

⁸² *Sent.* II.37.7: *Superbiam diaboli imitantur superbi, aduersus quem opponitur humilitas Christi qua humiliantur elati; II.38.6: Merito superbiae diabolus a superna beatitudine corrui. Qui ergo de uirtutibus adtolluntur, diabolum imitantur; et exinde grauius corruunt, quia de excelsis labuntur.*

⁸³ *Sent.* II.38.7: *Superbia, sicut origo est omnium criminum, ita ruina cunctarum uirtutum. Ipsa est enim in peccato prima, ipsa in conflictu postrema. Haec enim aut in exordio mentem per peccatum prosternit, aut nouissime de uirtutibus deicit. Inde et omnium peccatorum est maxima, quia tam per uirtutes quam per uitia humanam mentem exterminat; II.38.5.*

для различения грешных и добродетельных поступков⁸⁴. Причем истинно добродетельный поступок возможен лишь при наличии правильной мотивации, которая ориентирована, так или иначе, на Бога, а не обусловлена традиционными светскими установлениями [McGrath 2005: 49–50]. И, согласно Августину, именно основная мотивация в деятельности человека (или любовь к Богу, или любовь к иным объектам) определяет его принадлежность к одному из градов [Markus 1988: 66–69 ff.].

Эти представления о поступке и его мотивации Исидор, судя по всему, разделял, хотя и не выражал в категориях *officium — finis*. По его словам, любя добродетель без смирения и любви обращается в порок, а поэтому те, кто лишен этих качеств (сколь бы они ни гордились своей мнимой добродетелью), должны быть осуждены как совершающие доброе дело не по доброй воле⁸⁵. Очевидно, что подобные рассуждения в полной мере соотносятся с сутью концепции *officium — finis*⁸⁶.

Поэтому часть характеристик одержимых гордыней епископов касается не конкретных девиантных проявлений или действий, но (и это принципиально значимо!) неверной мотивации. Например, предстоятель может в своей проповеди декларировать вполне верные вещи, но сам при этом оказаться дурным в силу неверной мотивации: ведь вместо пользы паствы и ее исправления его целью является демонстрация собственного усердия в учении и мудрости⁸⁷, стремление к славе для себя, а не для Бога⁸⁸. Тем самым одержимый гордыней епископ не соответствует критерию, определенному изложенной выше сентенцией, с которой Исидор начинает рассуждение о епископах: такой предстоятель не распинается миру, а оказывается в плену мирских отношений, источником которых в итоге всегда оказывается гордыня⁸⁹.

Среди конкретных проявлений последней применительно к епископу — жестокое обращение с пасомыми, в результате которого предстоятели их не исправляют (*emendare*), а ранят / уязвляют (*vulnerare, percutere*) (*Sent.* III.41.6–7). Таким образом, одержимый гордыней предстоятель не способен выполнять свое предназначение по исправлению паствы. Наконец, гордые епископы, действуя без любви (*caritas*) и смирения (*humilitas*) предстают внушающими

⁸⁴ Средневековье унаследовало эту идею во многом благодаря Августину, см.: *Contra Julianum*. IV.3.21: ...non officiis, sed finibus a vitiis discernendas esse virtutes. Officium est quod faciendum est: finis vero propter quod faciendum est. Cum itaque facit homo aliquid ubi peccare non videtur, si non propter hoc facit propter quod facere debet, peccare vincitur.

⁸⁵ *Sent.* II. 38.5: Qui de suis uirtutibus superbiunt, ex ipsis iudicandi sunt operibus quae pro uirtutibus utuntur, quia rem bonam non bona uoluntate faciunt. Nam reuera sine humilitate uirtus quaelibet et sine caritate in uitio deputatur.

⁸⁶ Cfr.: Fulgentius Ruspensis. *Ep.* V.6: Voluntas autem vel bona, vel noxia, non ex officio, sed ex fine rei est cuiusque pensanda. С рядом текстов Фульгенция Руспийского, в т.ч. письмами, Исидор был знаком и использовал их при написании своих сочинений [Воронцов 2015: 121–125, passim].

⁸⁷ *Sent.* III.41.3: ...praedicant non studio correctionis...; III.41.4: ...nec ut prosint sapientes sunt...

⁸⁸ *Sent.* III.41.2: Elati autem pastores <...> non Dei sed suam gloriam a subditis exigunt.

⁸⁹ Если использовать образ двух градов, то можно сказать, что гордый епископ принадлежит к граду земному.

страх (*terribilis*)⁹⁰, что традиционно считалось одной из главных отличительных черт тирана.

Итак, пороки, прежде всего именно гордыня и гнев, перемещают слова и поступки епископа из области сакрального в сферу мирского, которого предостоятельно следует избегать. Более того, гнев и, прежде всего, гордыня, социально-политическим эквивалентом которой оказывается тирания, уподобляют плохого епископа богоборцу и связывают с дьяволом. В итоге исчезает сама суть служения Богу, а фигура епископа обесценивается. Подобно тирану, дурной предостоятель не заботится о подчиненных, жестоко с ними обращается, внушает страх и стремится к господству, пытаясь заменить собой Бога.

Дурной епископ как тиран

Обратившись не только к «Сентенциям», но и к другим текстам Исидора Севильского, мы можем соотнести высказанные выше наблюдения с замечаниями севильского предостоятеля о тех случаях, когда пастырская власть епископа, оказавшись в дурных руках, обретает тиранический характер.

Так, комментируя в «*De officiis ecclesiasticis*» давнюю норму, согласно которой епископ ставится в сан не одним, а всеми епископами церковной провинции или как минимум тремя, присутствующими лично, в то время как остальные присылают письменное согласие со сделанным выбором, Исидор оговаривает, что такое правило было установлено из-за ересей, чтобы тираническая власть (решение, воля — *tyrannica auctoritas* — sic!) одного не восстала против веры всей Церкви⁹¹. В этом контексте обладатель *tyrannica auctoritas* — это епископ, рукополагающий другое лицо в епископский сан вопреки каноническим предписаниям самостоятельно, а не коллегиально, нарушая тем самым консенсус клира⁹² и единство Церкви. Если сопоставить соответствующий фрагмент с дефиницией слова *haeresis* в «Этимологиях», то епископ, тиранически действующий лишь по своему усмотрению, сам оказывается подобен еретичу, а его *tyrannica auctoritas* — источником ересей⁹³. В свою очередь, соборы и их постановления как воплощение консенсуса и

⁹⁰ Sent. III.41.5: ...imitantur sanctos rigore disciplinae, et sequi neglegunt caritatis affectione; uideri uolunt rigidi seueritate, et formam humilitatis praestare nequeunt, ut magis terribiles quam mites aspiciantur. Cfr.: *Etym.* X.270: *Terribilis*, quia terrorem habet et timetur.

⁹¹ DEO II.5.11: Porro quod episcopus non ab uno, sed a cunctis comprovincialibus episcopis ordinatur, id propter haereses institutum agnoscitur, ne aliquid contra fidem Ecclesiae unius tyrannica auctoritas moliretur. Ideoque ab omnibus convenientibus instituitur, aut non minus quam a tribus praesentibus, caeteris tamen consentientibus testimonio litterarum. Cfr.: *Conc. Nicaenum*. Can. 4.

⁹² О канонической практике избрания епископа как воплощении консенсуса клира см.: [Orlandis 1976: 88–89].

⁹³ *Etym.* VIII.3.1–2: (1) Haeresis Graece ab electione vocatur, quod scilicet unusquisque id sibi eligat quod melius illi esse videtur (...) sicut alii qui perversum dogma cogitantes arbitrio suo de Ecclesia recesserunt. (2) Inde ergo haeresis, dicta Graeca voce, ex interpretatione electionis, qua quisque arbitrio suo ad instituenda, sive ad suscipienda quaelibet ipse sibi elegit. Nobis vero nihil ex nostro arbitrio inducere licet, sed nec eligere quod aliqui de arbitrio suo induxerit.

коллегияльности являются средством противодействия тирании епископа и ересям: по словам Исидора, ереси раздирали христианство именно из-за того, что епископы не могли собираться свободно до тех пор, пока им это не разрешил император Константин⁹⁴.

В этом отношении показательное содержание 6-го канона II Севильского собора, прошедшего под председательством Исидора в 619 г. Казус этого канона согласуется с разобранным выше описанием дурного епископа, чьи, по сути, тиранические действия являются следствием свойственной ему гневливости. Отцы собора, ссылаясь, судя по всему, на 5-е правило I Вселенского собора, постановили, что епископ не может извергать из сана пресвитера или диакона без разбирательства на соборе⁹⁵. Соответствующие действия одного епископа четко противопоставлены решению собора, аналогично тому, как и в случае с поставлением епископа⁹⁶. И неверные, самовольные решения подобный епископ выносит не на основании канонического авторитета (*auctoritate canonica*), а тиранической властью (*potestate tyrannica*), руководствуясь личными симпатиями или антипатиями⁹⁷. Под *auctoritas canonica* в данном случае подразумевается власть соборных постановлений (*auctoritas canonum*)⁹⁸ как источника права, что явствует из завершающей части рассматриваемого канона. Таким образом, действия епископа противоправны, если исходить из юридического понимания действий тирана как направленных против права (*contra ius*)⁹⁹.

Наконец, вернемся к упомянутой в начале статьи сентенции, в которой, как в «смысловом конденсате», во многом обобщено и сконцентрировано сказанное выше о фигуре тирана — применительно к епископу. Глава о предстоятелях, одержимых гордыней, начинается именно с этой сентенции: «Хороший управитель (*rector*) — тот, кто смиренно соблюдает дисциплину и с ее помощью не впадает в гордыню. Надменные же пастыри тиранически угнетают народ, а не правят им и требуют у подчиненных славы для себя, а не для Бога»¹⁰⁰. Причем глагол *regere*, согласно Исидору, подразумевает исправление (подчиненных)¹⁰¹. Тиранически ведущий себя епископ фактически

⁹⁴ *Etym.* VI.16.3: *Inde Christianitas in diversas haereses scissa est, quia non erat licentia [episcopis] in unum convenire, nisi tempore supradicti imperatoris. Ipse enim dedit facultatem Christianis libere congregare.*

⁹⁵ II *Hisp. Can.* 6: *...decrevimus, ut iuxta priscorum patrum synodalem sententiam nullus nostrum sine concilii examine deiciendum quemlibet presbyterem vel diaconum audeat...*

⁹⁶ II *Hisp. Can.* 6: *Qui profecto nec ab uno damnari nec uno iudicante poterunt honoris sui privilegiis exui, sed praesenti synodali iudicio, quod canon de illis praeceperit, definiri.*

⁹⁷ II *Hisp. Can.* 6: *...nam multi sunt qui indiscussis potestate tyrannica non auctoritate canonica damnant, et sicut nonnullos gratiae favore sublimant ita quosdam odio invidiaque permoti humiliant et ad levem opinionis auram condemnant, quorum crimen non adprobant...* Об этом каноне см.: [Orlandis, Ramos-Lisson 1986: 257; Мапей 2014: 197–198].

⁹⁸ См., например: III *Tolet. Can.* 1, 18; II *Hisp. Can.* 8. Примечательна формулировка, встречающаяся в подписях Толедских соборов: *salva auctoritate priscorum canonum <...> subscripsi.*

⁹⁹ См. *CTh.* XV.14.3, 5.

¹⁰⁰ *Sent.* III.41.1–2: *Bonus rector est qui et in humilitate seruat disciplinam, et per disciplinam non incurrit superbiam. Elati autem pastores plebes tyrannice premunt, non regunt, quique non Dei sed suam gloriam a subditis exigunt.*

¹⁰¹ *Etym.* IX.3.4: *Non autem regit, qui non corrigit.*

отказывается от этой важнейшей своей обязанности. Отдельно стоит также подчеркнуть, что глагол *premere* подразумевает лишение/ограничение свободы и учинение несправедливости¹⁰², разнообразные проявления которой так или иначе связаны с нарушением заповедей и в целом разладом в отношениях человека с Богом [Марей 2014: 165–168].

С образом тирана соотносится и другое утверждение Исидора, касающееся епископата. Речь идет о месте, где он констатирует, что многие епископы стремятся руководить (*praeesse*) скорее ради своей личной выгоды, чем во имя пользы паствы (*utilitas gregis*), и жаждут быть предстоятелями (*praesules*) в стремлении к богатству и уважению¹⁰³, а не для того, чтобы приносить пользу (*prodesse*)¹⁰⁴. Оппозиция *praeesse/prodesse* нередко использовалась писателями этого времени при создании образа тирана и явно проистекает из классических римских представлений о личной выгоде и общественной пользе (*communis/publica utilitas*) [Teillet 2011: 352–353, 511, 543–544, 594, п. 64], отразившихся в правовой риторике вестготского времени [Ауров, Марей 2012: 488, прим. 3].

В рамках указанной оппозиции польза / благо паствы (*utilitas gregis*) явно соотносится с *utilitas communis / utilitas populi*. Понятие общественного блага «предстает одним из краеугольных камней римской политической теории» [Gaudemet 1951: 465] и лежит в основе как римского законодательства, так и его толкования [Stagl 2017]. Оно — своего рода точка схода всех линий перспективы в политической философии Цицерона [Ibid.: 514]¹⁰⁵. *Utilitas communis* (в несколько видоизмененном виде) — важнейшая составляющая в знаменитом цицероновском определении понятия *populus*¹⁰⁶. И хотя Исидор исключает этот компонент из своей дефиниции народа¹⁰⁷, тем не менее *utilitas communis/publica* продолжает играть существенную роль в соответствующих представлениях. В вестготских текстах общее благо / общая польза соотносится с *salus populi* — в значении как спасения (в сотериологическом плане), так и земного благоденствия, которое проявляется в первую очередь в мире и спокойствии [King 1972: 27–31; Hibst 1990: 70–71].

Таким образом, не заботясь о пользе своей паствы, дурной епископ озабочен лишь мирскими делами и забывает о будущем спасении вверенных ему душ, при этом он нарушает социальный порядок и мир, в том числе злоупотребляя покаянной дисциплиной и принимая самовольные решения, которые

¹⁰² *Etym.* IX.4.18: Dum enim plebs a senatu et consulibus premeretur, tunc ipsa sibi tribunos quasi proprios iudices et defensores creavit, qui eorum libertatem tuerentur, et eos adversus iniuriam nobilitatis defenderent».

¹⁰³ То есть эти епископы не распинаются миру; напротив, основной мотивацией их деятельности становятся мирские ценности.

¹⁰⁴ *Sent.* III.34.5: Plerique sacerdotes suae magis utilitatis causa quam gregis praeesse desiderant, nec ut prosint praesules fieri cupiunt, sed magis ut diuites fiant, et honorentur. Suscipiunt enim sublimitatis culmen non pro pastorali regimine, sed pro solius honoris ambitione...

¹⁰⁵ Впрочем, стоит обратить внимание, что для Цицерона ключевым было скорее *utilitas communis*, а не *utilitas publica*, см.: [Gaudemet 1951: 467–472].

¹⁰⁶ *Rep.* I.25.39: ...populus autem non omnium hominum coetus quoquo modo congregatus, sed coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus.

¹⁰⁷ *Etym.* IX.4.5: Populus est humanae multitudinis, iuris consensu et concordia communione sociatus.

не согласуются с каноническим правом. Более того, отвергая *utilitas communis* как ключевой элемент, объединяющий народ, дурной епископ разрушает возглавляемое им сообщество¹⁰⁸. Тем самым итог его деятельности таков же, как и у тирана, описанного в произведениях Цицерона: народ не может существовать там, где властвует тиран.

* * *

Итак, представления о плохом епископе во многом определены образом тирана, восходящим через литературную и риторическую традицию к республиканской эпохе. В «Сентенциях» Исидора Севильского это влияние прослеживается и в наборе пороков, присущих дурному предстоятелю, и в изображении его поступков и их последствий, и в самом языке соответствующих описаний. Наконец, о связи двух образов свидетельствуют прямые высказывания Исидора о тиранических действиях епископа. И хотя таких однозначных указаний немного и может показаться, что речь в них идет просто о властолюбивом и сумасбродном предстоятеле, однако они четко вписываются в обозначенный контекст, в рамках которого такое прочтение представляется неадекватным. В обратном случае характеристики дурного предстоятеля предстают разрозненными и несвязанными — объединить и объяснить их позволяет именно предложенный в статье взгляд.

В свою очередь, такой подход дает возможность лучше понять положение епископа и характер его власти. Как я отмечал в другом месте, власть епископа была связана с полнотой его священства: поскольку «точкой сборки» церковной общины были крещение и причастие, то епископ, который в большинстве случаев крестил, проводил конфирмацию, служил литургию и контролировал покаянную дисциплину, становился центром этого сообщества [Биркин 2017b]. При этом община сохраняла социально-политические характеристики античной *civitas*: в частности, деятельная жизнь (*vita activa*) понималась как публично-правовая и даже политическая деятельность христианина на пользу общины и всего королевства в целом (а епископы как раз должны были вести деятельную жизнь) [Биркин 2017a: 126–139]. Показательно, что народ (*populus*) именно во время выборов епископа проявлял свою субъектность (см.: IV *Tolet. Can.* 19), которую ему и делегировал: в свете «политической теологии» Исидора каждый епископ являлся представителем своего *populus* (= *civitas*) (см.: IV *Tolet. Can.* 75). Выборы епископа, как они представлены в 19-м каноне IV Толедского собора, отчасти сопоставимы с выборами магистрата.

Укорененность фигуры епископа в полисной идеологии отчасти объясняет использование античного социально-политического лексикона и образа тирана применительно к недостойному предстоятелю. Однако полисные ценности, как и образ тирана, были уже глубоко переосмыслены и находились в поле напряжения между сакральным и секулярным. Тиранические действия плохого епископа в своем пределе вели к разрушению общины, так как в силу своих пороков (прежде всего гордыни и гнева) он переставал быть центром всех социальных связей: «десакрализация» епископа вела к уничто-

¹⁰⁸ В частности, дурным примером — *Sent.* III.38.3: *Ex carnalium praepositorum exemplo, plerumque fit uita deterior subditorum, et plebis merito fiunt tales sacerdotes, qui exemplo deteriori populum destruunt, non aedificant.*

жению «сакральной» оси общины. И именно поэтому к дурному епископу прилагался образ тирана, который воплощал в себе ключевые пороки града земного и апостасию и который по принципу параболы уподоблялся дьяволу.

Сокращения

- Conc. Nicaenum* — Concilium Nicaenum // La colección canónica Hispana / Ed. crítica por G. Martínez Díez, F. Rodríguez; Estudio por G. Martínez Díez. Vol. 3. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1982. P. 65–90.
- Contra Julianum* — *Aurelius Augustinus*. Sancti Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi Contra Julianum, Haeresis Pelagiane Defensorem, Libri VI // Patrologiae Cursus Completus / Ed. J.-P. Migne. Vol. 44. Paris: Migne, 1855. (Ser. Latina). Col. 641–874.
- CTh. — Theodosiani libri XVI cum cum constitutionibus Simordianis / Ed. P. Krueger, T. Mommsen. Berolini: Apud Weidmannos, 1905.
- De civ. Dei* — *Aurelius Augustinus*. Sancti Aurelii Augustini Episcopi De Civitate Dei Libri XXII / Rec. E. Hoffmann: 2 vols. Vindobonae [Wien]: Hoelder-Pichler-Tempsky, 1899–1900. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum; 40, 1–2).
- De Gen. ad lit.* — *Aurelius Augustinus*. Sancti Aurelii Augustini Episcopi de Genesi ad litteram / Rec. 1: Zycha. Vindobonae [Wien]: Hoelder-Pichler-Tempsky, 1894. (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum; 28.1).
- Sen. *De ira* — *Lucius Annaeus Seneca*. De ira // Seneca. Moral essays / With an English trans. by J. W. Basore. London; New York: Heinemann, 1928. P. 106–355.
- De off.* — *Cicero M. Tullius*. De Officiis / With an English trans. by W. Miller. Cambridge, MA; London: Harvard Univ. Press; W. Heinemann, 1913. (Loeb Classical Library; 30).
- De vir. ill.* — *Isidorus Hispalensis*. Sancti Isidori Hispalensis Episcopi De Viris Illustribus Liber // Codoñer Merino C. El ‘De viris illustribus’ de Isidoro de Sevilla. Estudio y edición crítica. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 1964. P. 130–153.
- DEO — *Isidorus Hispalensis*. Sancti Isidori Hispalensis Episcopi De Ecclesiasticis Officiis / Ed. Christopher M. Lawson. Turnhout: Brepols, 1989. (Corpus Christianorum. Ser. Latina; 113). P. 1–108.
- Diff. I* — *Isidorus Hispalensis*. Isidori Hispalensis Episcopi Liber Differentiarum I // Isidoro de Sevilla. Diferencias Libro I / Intro., ed. crítica, trad. y notas por C. Codoñer Merino. Paris: Les Belles Lettres, 1992. P. 84–301.
- Diff. II* — *Isidorus Hispalensis*. Isidori Hispalensis Episcopi Liber Differentiarum II / Cura et studio M. A. Andrés Sanz. Turnhout: Brepols, 2006. (Corpus Christianorum. Ser. Latina; 111 A). P. 7–112.
- Etym.* — *Isidorus Hispalensis*. Sancti Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. by W. M. Lindsay: 2 vols. Oxonii: F. Typographeo Clarendoniano, 1911.
- Fulgentius Ruspensis. *Ep.* — Sancti Fulgentii Ruspensis Epistolae In Unum Corpus Nunc Primum Collactae // Patrologiae Cursus Completus / Ed. J.-P. Migne. Vol. 65. Paris: Migne, 1847. (Ser. Latina). Col. 303–498.
- II *Hisp.* — Secundum Conclilium Hispalensis // Concilios visigoticos y hispano-romanos / Ed. por J. Vives, T. Marin Martinez, G. Martinez Diez. Barcelona; Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Enrique Flórez, 1963. P. 163–185.
- Iohan. Bicl. *Chron.* — *Iohannes Biclarensis*. Iohannis abbatu Biclarensis Chronica // Juan de Biclario, obispo de Gerona, su vida y su obra / Intro., texto crítico, com. por J. Campos. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1960. P. 77–100.
- Is. *Hisp. Chron.* — *Isidorus Hispalensis*. Isidori Hispalensis Chronica / Cura et studio J. C. Martín. Turnhout: Brepols, 2003. (Corpus Christianorum. Ser. Latina; 112). P. 4–209.

- Is. *Hisp. Hist.* — *Isidorus Hispalensis*. Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Historia de regibus Gothorum, Vandalorum et Suevorum / Ed. T. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica: Auctores Antiquissimi. Vol. 11. Berolini: Apud Weidmannos, 1894. S. 267–303.
- Hist. Wamb.* — *Julianus Toletanus*. Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano / Ed. W. Levison // Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum merovingicarum. Vol. V. Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1910. S. 501–526.
- LI — [Liber Iudiciorum] Leges Visigothorum / Ed. K. Zeumer // Monumenta Germaniae Historica: Legum Sectio I: Leges nationum Germanicarum. T. 1. Hannoverae; Lipsiae: Impensis Bibliopolii Hanniani, 1902. S. 33–464.
- Mart. Brac. *De ira* — Martini Bracarenis De ira: introduzione, testo, traduzione e commento / A cura di C. Torre. Roma: Herder, 2008. (Studi e Testi TardoAntichi; 7). P. 102–135.
- Mor.* — *Gregorius I Magnus*. Sancti Gregorii Magni, Romani Pontificis Moralium Libri Sive Expositio In Librum Beati Job // Patrologiae Cursus Completus (series Latina) / Ed. J.-P. Migne. Paris: Migne, 1844–1855. (Ser. Latina). Vol. 75, 1849, col. 0509–1162B; Vol. 76, 1849, col. 0009–0782.
- Ps.-Sen. *Octavia* — *Pseudo-Seneca*. Octavia // Octavia: A Play Attributed to Seneca / Ed., intro., comment. by R. Ferri. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. (Cambridge Classical Texts and Commentaries 41). P. 83–118.
- Rep.* — *Cicero M. Tullius*. De re publica. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1958. (Bibliotheca Teubneriana (K. Ziegler)).
- Sent.* — *Isidorus Hispalensis*. Isidori Hispalensis Sententiae / Cura et studio P. Cazier. Turnhout: Brepols, 1998. (Corpus Christianorum. Ser. Latina; 111). P. 1–330.
- Tolet.* — Concilium Toletanum:
- III, IV — La colección canónica Hispana / Ed. crítica por G. Martínez Díez, F. Rodríguez; estudio por G. Martínez Díez. Vol. 5. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Enrique Flórez, 1992. P. 49–274;
- XI — La colección canónica Hispana / Ed. crítica por G. Martínez Díez, F. Rodríguez; estudio por G. Martínez Díez. Vol. 6. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Enrique Flórez, 1992. P. 73–133;
- XVI — Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por J. Vives, T. Marin Martínez, G. Martínez Díez. Barcelona; Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Enrique Flórez, 1963. P. 482–521.
- Tusc. disp.* — *Cicero M. Tullius*. Tusculanae Disputationes. III–IV / A rev. text with intro. and comment. and collation of numerous MSS; Ed. by T. W. Dougan, R. M. Hery. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1934.

Литература

- Аверинцев 1977 — *Аверинцев С. С.* Символика раннего Средневековья (К постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество / Отв. ред. Ю. А. Барабаш. М.: Наука, 1977. С. 323–334.
- Аверинцев 1996 — *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
- Ауров, Марей 2012 — Вестготская правда (Книга приговоров): Латинский текст. Перевод. Исследование / Под ред. О. В. Аулова, А. В. Марей. М.: Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.
- Бартошек 1989 — *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения / Пер. с чеш. М.: Юрид. лит., 1989.

- Биркин 2017a — *Биркин М. Ю.* От гражданина к священнику: *vita activa et contemplativa* от Августина Блаженного до Исидора Севильского // *Вестник древней истории.* 2017. № 1 (77). С. 126–139.
- Биркин 2017b — *Биркин М. Ю.* Священство епископа в Толедском королевстве первой трети VII в. по данным сочинений Исидора Севильского: терминологический аспект // *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение.* 2017. № 10 (31). С. 23–30.
- Биркин 2018a — *Биркин М. Ю.* Античное наследие в первой книге «Дифференций» Исидора Севильского // *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение.* 2018. № 10 (43). Ч. 2. С. 207–216.
- Биркин 2018b — *Биркин М. Ю.* Принципы формирования идентичности клира в трактате «О церковных службах» Исидора Севильского // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви.* 2018. № 2 (83). С. 26–47.
- Воронцов 2012 — *Воронцов С. А.* Учение Исидора Севильского о предопределении // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. Богословие. Философия. Религиоведение.* 2012. № 5 (43). С. 95–108.
- Воронцов 2015 — *Воронцов С. А.* Исидор Севильский в историко-философском контексте: Дис. ... канд. филос. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2015.
- Кривушин 1998 — *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб.: Алтейя, 1998.
- Марей 2014 — *Марей Е. С.* Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представление о праве и правосудии. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
- Покровский 1998 — *Покровский И. А.* История римского права. СПб.: Летний сад, 1998.
- Уколова 2010 — *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья: Конец V – середина VII века. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- Шкаренков 2009 — *Шкаренков П. П.* Латинская риторическая традиция на рубеже античности и средневековья: проблемы источниковедческого изучения // *Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований.* 2009. № 4 (9). С. 146–161.
- Штаерман 1981 — *Штаерман Е. М.* «Сентенции» Публилия Сира и «Моральные дистихи» Дионисия Катона // *Вестник древней истории.* 1981. № 4. С. 219–227.
- Aurell, de la Borbolla 2004 — *La imagen del obispo hispano en la Edad Media / Ed. por M. Aurell, Á. C. de la Borbolla.* Pamplona: EUNSA, 2004.
- Aurov 2006 — *Aurov O.* Artífex Legum: el ideal del rey-legislador en la España visigoda de mediados del siglo VII (RI §405546) // *e-Legal History Review.* No. 6. 2006. URL: http://www.iustel.com/v2/revistas/detalle_revista.asp?id_noticia=405546&d=1.
- Baraz 1998 — *Baraz D.* Seneca, ethics, and the body: The treatment of cruelty in medieval thought // *Journal of the History of Ideas.* Vol. 59. No. 2. 1998. P. 195–215.
- Baraz 2008 — *Baraz Y.* From vice to virtue: the denigration and rehabilitation of superbia in Ancient Rome // *KAKOS, badness and anti-value in classical antiquity / Ed. by I. Sluiter, R. M. Rosen.* Leiden: Brill, 2008. P. 380–383.
- Béranger 1975 — *Béranger J.* Tyrannus. Notes sur la notion de tyrannie chez les Romains, particulièrement à l'époque de César et de Cicéron // *Béranger J.* Principatus. Études de notions et d'histoire politiques dans l'Antiquité gréco-romaine. Genève: Librairie Droz, 1975. P. 51–60.
- Berger 1953 — *Berger A.* Encyclopedic dictionary of Roman law. Philadelphia: American Philological Society, 1953.

- Bonner 1949 — *Bonner S. F.* Roman declamation in the late Republic and early Empire. Liverpool: Univ. Press of Liverpool, 1949.
- Bradley 2019 — *Bradley K.* Publilius Syrus and the anxiety of continuity // *Mouseion*. Vol. 16. No. S1. 2019. P. 65–90.
- Brennan 1992 — *Brennan B.* The image of the Merovingian bishop in the poetry of Venantius Fortunatus // *Journal of Medieval History*. Vol. 18. No. 2. 1992. P. 115–139.
- Castillo Lozano 2017 — *Castillo Lozano J.A.* Categorías de poder en el reino visigodo de Toledo: los tiranos en las obras de Juan de Biclario, Isidoro de Sevilla y Julián de Toledo. Murcia: Universidad de Murcia, 2019. (Antigüedad y cristianismo: Monografías históricas sobre la Antigüedad tardía; 2017, № 33–34).
- Cavadini 1999 — *Cavadini J. C.* Pride // *Augustine through the ages: An encyclopedia* / Ed. by A. D. Fitzgerald. Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans, 1999. P. 679–684.
- Cazier 1998 — *Cazier P.* Introduction // *Isidorus Hispalensis. Sententiae* / Cura et studio de Pierre Cazier. Turnhout: Brepols, 1998. (Corpus Christianorum. Ser. Latina; 111). P. vii–xcvii.
- Clarke 1996 — *Clarke M. L.* Rhetoric at Rome: A historical survey. 3rd ed. / Rev. and with a new intro. by D. H. Berry. London; New York: Routledge, 1996.
- Coates 2000 — *Coates S.* Venantius Fortunatus and the image of episcopal authority in Late Antique and Early Merovingian Gaul // *The English Historical Review*. Vol. 115. No. 464. 2000. P. 1109–1137.
- Cowan 2016 — *Cowan E.* Contesting *Clementia*: The rhetoric of *Severitas* in Tiberian Rome before and after the trial of Clutorius Priscus // *The Journal of Roman Studies*. Vol. 106. 2016. P. 77–101.
- Craig 2004 — *Craig C.* Audience expectations, invective, and proof // *Cicero the advocate* / Ed. by J. Powell, J. Paterson. Oxford, New York: Oxford University Press, 2004. P. 187–213.
- Danielson, Gatti 2014 — *Envisioning the bishop: Images and the episcopacy in the Middle Ages* / Ed. by S. Danielson, E. A. Gatti. Turnhout: Brepols, 2014.
- Di Berardino 1998 — *Di Berardino A.* L'immagine del vescovo attraverso i suoi titoli nel Codice Teodosiano // *L'évêque dans la cité du IVe au Ve siècle. Image et autorité. Actes de la table ronde de Rome (1er et 2 décembre 1995)* / Sous la dir. de C. Sotinel, É. Rebillard. Rome: École française de Rome, 1998. P. 35–48. (Collection de l'École française de Rome; 248).
- Dovere 2003 — *Dovere U.* La figura del vescovo tra la fine del mondo antico e l'avvento dei nuovi popoli europei // *Archivum Historiae Pontificiae*. Vol. 41. 2003. P. 25–49.
- Dunkle 1967 — *Dunkle J. R.* The Greek tyrant and Roman political invective of the late republic // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Vol. 98. 1967. P. 151–171.
- Dunkle 1971 — *Dunkle J. R.* The rhetorical tyrant in Roman historiography: Sallust, Livy and Tacitus // *The Classical World*. Vol. 65. No. 1. 1971. P. 12–20.
- Elfassi 2020 — *Elfassi J.* Presence of Augustine of Hippo in Isidore of Seville: Some provisional remarks // *Framing power in Visigothic society: Discourses, devices, and artifacts* / Ed. by E. Dell' Elicine, C. Martin. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2020. P. 23–50.
- Evans 1988 — *Evans G. R.* The thought of Gregory the Great. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Fernandez Alonso 1955 — *Fernandez Alonso J.* La cura pastoral en la España romanovisigoda. Roma: Iglesia Nacional Española, 1955.
- Flower 2013 — *Flower R.* Emperors and bishops in Late Roman invective. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Fontaine 2002 — *Fontaine J.* Isidoro de Sevilla. Génesis y originalidad de la cultura hispánica en tiempos de los visigodos. Madrid: Encuentro, 2002.

- Fontaine, Pellistrandi 1992 — *L'Europe héritière de l'Espagne wisigothique* / Ed. par J. Fontaine, C. Pellistrandi. Madrid: Casa de Velázquez, 1992.
- Fuchs 1977 — *Fuchs H.-J. Entfremdung und Narzißmus: semantische Untersuchungen zur Geschichte der "Selbstbezogenheit" als Vorgeschichte von französisch "amour-propre"*. Stuttgart: J. B. Metzler, 1977.
- Gaddis 2005 — *Gaddis M. There is no crime for those who have Christ: Religious violence in the Christian Roman Empire*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 2005.
- Gaudemet 1951 — *Gaudemet J. Utilitas publica* // *Revue historique de droit français et étranger*. Vol. 28. 1951. P. 465–499.
- George 1987 — *George J. W. Portraits of two Merovingian bishops in the poetry of Venantius Fortunatus* // *Journal of Medieval History*. Vol. 13. No. 3. 1987. P. 189–205.
- Green 1949 — *Green W. M. Initium omnis peccati superbia: Augustine on pride as the first sin*. Berkeley: Univ. of California Press, 1949. (Univ. of California Publications in Classical Philology; Vol. 13).
- Griffin 1992 — *Griffin M. Seneca: A philosopher in politics*. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Gryson 1968 — *Gryson R. Le prêtre selon Saint Ambroise*. Louvain: Edition Orientaliste, 1968.
- Guillou 1973 — *Guillou A. L'évêque dans la société méditerranéenne des VIe–VIIe siècles: un modèle* // *Bibliothèque de l'École des chartes*. Vol. 131. No. 1. 1973. P. 5–19.
- Habinek 2005 — *Habinek T. Ancient rhetoric and oratory*. Malden, Mass.: Blackwell, 2005.
- Harris 2001 — *Harris W. V. Restraining rage: The ideology of anger control in Classical Antiquity*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2001.
- Hellegouarc'h 1963 — *Hellegouarc'h J. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République*. Paris: Les Belles Lettres, 1963.
- Herzog 1989 — *Restauration und Erneuerung. Die lateinische Literatur von 284 bis 374 n. Chr.* / Hrsg. von R. Herzog. München: C. H. Beck, 1989. (Handbuch der lateinischen Literatur der Antike; 5).
- Hibst 1990 — *Hibst P. Gemeiner Nutzen: Begriffsgeschichtliche Untersuchungen zur politischen Theorie vom 5. vorchristlichen bis zum 15. nachchristlichen Jahrhundert* // *Archiv für Begriffsgeschichte*. Bd. 33. 1990. S. 60–95.
- Holland 2020 — *Holland B. Self and city in the thought of Saint Augustine*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020.
- Jeanjean 2008 — *Jeanjean B. La figure idéale de l'évêque chez les Pères latins des IVe–Ve siècles* // *Les Pères de l'Église et les ministères: évolutions, idéal et réalités: actes du IIIe colloque de La Rochelle, 7, 8 et 9 septembre 2007* / Ed. par P.-G. Delage. La Rochelle: Association Histoire et culture, 2008. P. 131–149.
- Kaster, Nussbaum — *Lucius Annaeus Seneca. Anger, Mercy, Revenge* / Trans. and comment. by R. A. Kaster and M. C. Nussbaum. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2010. (The Complete Works of Lucius Annaeus Seneca).
- King 1972 — *King P. D. Law and society in the Visigothic kingdom*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972.
- Kirchner 2001 — *Kirchner R. Sentenzen im Werk des Tacitus*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001.
- Kos 1990 — *Kos M. S. Sententia in the Agricola of Tacitus* // *Živa antika*. Vol. 40. No. 1–2. 1990. P. 83–109.
- Lausberg 1998 — *Lausberg H. Handbook of literary rhetoric: A foundation for literary study* / Trans. by M. T. Bliss, A. Jansen, D. E. Orton. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998.
- Little 1998 — *Little L. K. Anger in monastic curses* // *Anger's past: The social uses of an emotion in the Middle Ages* / Ed. by B. H. Rosenwein. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1998. P. 9–35.

- Lizzi Testa 2009 — *Lizzi Testa R.* The late antique bishop: Image and reality // A companion to Late Antiquity / Ed. by Ph. Rousseau. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 525–538.
- Lunn-Rockcliffe 2007 — *Lunn-Rockcliffe S.* Ambrosiaster's political theology. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2007.
- MacQueen 1973 — *MacQueen D. J.* Contemptus Dei: St. Augustine on the disorder of pride in society, and its remedies // Recherches Augustiniennes et Patristiques. Vol. 9. 1973. P. 227–293.
- Madoz 1960 — *Madoz J.* San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria. León: Consejo superior de investigaciones científicas; Centro de estudios e investigaciones S. Isidoro, 1960.
- Markus 1988 — *Markus R. A.* Saeculum: History and society in the theology of St Augustine. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Martín 2013 — *Martin J. C.* Isidore of Seville // The Oxford guide to the historical reception of Augustine: 3 vols. Vol. 2 / Ed. by K. Pollmann. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. P. 1193–1996.
- Martin 2017 — *Martin C.* Tyrannus. Usurpador y rey injusto en época visigoda // Artificios pasados. Nociones del derecho medieval / Comp. por E. Dell'Elicine, P. Miceli, A. Morin. Madrid: Universidad Carlos III de Madrid, 2017. P. 19–36.
- McDonnell 2006 — *McDonnell M.* Roman manliness: Virtus and the Roman Republic. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 2006.
- McGrath 2005 — *McGrath A. E.* Iustitia Dei: A history of the Christian doctrine of justification. 3rd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Mellado Rodriguez 1990 — *Mellado Rodriguez J.* Léxico de los concilios visigóticos de Toledo: 2 t. T. 1. Córdoba: Universidad de Córdoba, 1990.
- Musurillo 1972 — The acts of the Christian martyrs / Intro., texts, trans. by H. Musurillo. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Niermeyer 1976 — Mediae Latinitatis lexicon minus: A medieval Latin-French/English dictionary / Hrsg. von J. F. Niermeyer. Leiden: Brill, 1976.
- Orlandis 1959 — *Orlandis J.* En torno a la noción visigoda de tiranía // Anuario de historia del derecho español. № 29. 1959. P. 5–43.
- Orlandis 1976 — *Orlandis J.* La iglesia en España visigótica y medieval. Pamplona: Ediciones Universidad de Navarra, 1976.
- Orlandis, Ramos-Lisson 1986 — *Orlandis J., Ramos-Lisson D.* Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona: Eunsa, Ediciones de la Universidad de Navarra, 1986.
- Reydelle 1981 — *Reydelle M.* La royauté dans la littérature latine, de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville. Rome: École Française de Rome, 1981.
- Rist 1994 — *Rist J. M.* Augustine: Ancient thought baptized. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Sinclair 1993 — *Sinclair P.* The *Sententia* in *Rhetorica ad Herennium*: A study in the sociology of rhetoric // American Journal of Philology. Vol. 114. No. 4. 1993. P. 561–580.
- Smith 2011 — *Smith J. W.* Christian grace and pagan virtue: The theological foundation of Ambrose's ethics. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Stagl 2017 — *Stagl J. F.* Die Funktionen der utilitas publica // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. Bd. 134. Fasc. 1. 2017. S. 514–523.
- Stevenson 2009 — *Stevenson T.* Antony as 'Tyrant' in Cicero's First Philippic // Ramus: Critical studies in Greek and Roman literature. Vol. 38. No. 2. 2009. P. 174–186.
- Tabacco 1985 — *Tabacco R.* Il tiranno nelle declamazioni di scuola in lingua latina: memoria. Torino: Accademia delle scienze, 1985.

Teillet 2011 — *Teillet S.* Des Goths à la nation gothique. Les origines de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle. 2e tir. Paris: Les Belles Lettres, 2011.

References

- Arutiunova, N. D. (1988). *Tipy iazykovykh znachenii: Otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meaning: Evaluation, event, fact]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Aurell, M., de la Borbolla, A. C. (2004). *La imagen del obispo hispano en la Edad Media*. Pamplona: EUNSA. (In Spanish).
- Aurov, O. (2006). Artífex legum: Ideal del rey-legislador en la España Visigoda a mediados del siglo VII. *e-Legal History Review*, 6. Retrieved from http://www.iustel.com/v2/revistas/detalle_revista.asp?id_noticia=405546&d=1. (In Spanish).
- Aurov, O. V., Marei, A. V. (Eds.) (2012). *Vestgotskaia pravda (Kniga prigovorov): Latinskii tekst. Perevod. Issledovanie* [Lex Visigothorum (Liber Iudiciorum). Latin text. Translation. A Study]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke. (In Russian).
- Averintsev, S. S. (1977). Simvolika rannego Srednevekov'ia (K postanovke voprosa) [Symbolism in the Early Middle Ages: Presentation of a problem]. In Iu. Ia. Barabash (Ed.). *Semiotika i khudozhestvennoe tvorchestvo* [Semiotics and artistic creation], 323–334. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Averintsev, S. S. (1996). *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [Rhetoric and the origins of European literary tradition]. Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kultury". (In Russian).
- Baraz, D. (1998). Seneca, ethics, and the body: The treatment of cruelty in medieval thought. *Journal of the History of Ideas*, 59(2), 195–215.
- Baraz, Y. (2008). From vice to virtue: the denigration and rehabilitation of superbia in Ancient Rome. In I. Sluiter, R. M. Rosen (Eds.) *KAKOS: badness and anti-value in classical antiquity*, 365–398. Leiden: Brill.
- Bartoshek, M. (1989). *Rimskoe pravo: poniatiia, terminy, opredeleniia* [Trans. from Bartošek, M. (1981). *Encyklopedie římského práva*. Praha: Panorama]. Moscow: Iuridicheskaiia literatura. (In Russian).
- Béranger, J. (1975). Tyrannus. Notes sur la notion de tyrannie chez les Romains, particulièrement à l'époque de César et de Cicéron In J. Béranger. *Principatus. Études de notions et d'histoire politiques dans l'Antiquité gréco-romaine*, 51–60. Genève: Librairie Droz. (In French).
- Berger, A. (1953). *Encyclopedic dictionary of Roman law*. Philadelphia: American Philosophical Society.
- Birkin, M. Yu. (2017a). Ot grazhdanina k sviashchenniku: vita activa et contemplativa ot Avgustina Blazhennogo do Isidora Sevil'skogo [Isidore of Seville's ideas on active and contemplative life: Background and content]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2017(1(77)), 126–139. (In Russian).
- Birkin, M. Yu. (2017b). Sviashchenstvo episkopa v Toledskom korolevstve pervoi treti VII v. po dannym sochinenii Isidora Sevil'skogo: terminologicheskii aspekt [The priesthood of bishops in the Visigothic Kingdom of Toledo in the first third of the 7th century in works by Isidore of Seville: Terminological aspect]. *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin], Ser. *Istoriia. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2017(10(31)), 23–30. (In Russian).
- Birkin, M. Yu. (2018a). Antichnoe nasledie v pervoi knige "Differentsii" Isidora Sevil'sko [Ancient heritage in the First Book of Isidore of Seville's Treatise "Differentiae"]. *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin], Ser. *Istoriia. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2018(10(43)), 207–216. (In Russian).

- Birkin, M. Yu. (2018b). Printsipy formirovaniia identichnosti klira v traktate "O tserkovnykh sluzhbakh" Isidora Sevil'skogo [Principles of formation of clerical identity in Isidore of Seville's treatise *On ecclesiastical offices*]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [St. Tikhon's University Review], Ser. 2, *Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Series II: History. Russian Church History], 2018(2(83)), 26–47. (In Russian).
- Bonner, S. F. (1949). *Roman declamation in the late Republic and early Empire*. Liverpool: Univ. Press of Liverpool.
- Bradley, K. (2019). Publilius Syrus and the anxiety of continuity. *Mouseion*, 16(S1), 65–90.
- Brennan, B. (1992). The image of the Merovingian bishop in the poetry of Venantius Fortunatus. *Journal of Medieval History*, 18(2), 115–139.
- Castillo Lozano, J. A. (2019). *Categorías de poder en el reino visigodo de Toledo: los tiranos en las obras de Juan de Biclario, Isidoro de Sevilla y Julián de Toledo*. Murcia: Universidad de Murcia. (In Spanish).
- Cavadini, J. C. (1999). Pride. In A. D. Fitzgerald (Ed.). *Augustine through the ages: An encyclopedia*, 679–684. Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans.
- Cazier, P. Introduction (1998). In P. Cazier (Ed.) *Isidorus Hispalensis. Sententiae*, VII–XCVII. Turnhout: Brepols. (In French).
- Clarke, M. L. (1996). *Rhetoric at Rome: A historical survey* (3rd ed., rev. and with a new intro. by D. H. Berry). London: Routledge.
- Coates, S. (2000). Venantius Fortunatus and the image of episcopal authority in Late Antique and Early Merovingian Gaul. *The English Historical Review*, 115(464), 1109–1137.
- Cowan, E. (2016). Contesting Clementia: The rhetoric of Severitas in Tiberian Rome before and after the trial of Clutorius Priscus. *The Journal of Roman Studies*, 106, 77–101.
- Craig, C. (2004). Audience expectations, invective, and proof. In J. Powell, J. Paterson (Eds.). *Cicero the advocate*, 187–213. Oxford: Oxford University Press.
- Danielson, S, Gatti, E. A (Eds.) (2014). *Envisioning the bishop: Images and the episcopacy in the Middle Ages*. Turnhout: Brepols.
- Di Berardino, A. (1998). L'immagine del vescovo attraverso i suoi titoli nel Codice Teodosiano. In C. Sotinell, É. Rebillard (Eds.). *L'évêque dans la cité du IVe au Ve siècle. Image et autorité. Actes de la table ronde de Rome (1er et 2 décembre 1995)*. Rome: École française de Rome, 35–48. (In Italian).
- Dovere, U. (2003). La figura del vescovo tra la fine del mondo antico e l'avvento dei nuovi popoli europei. *Archivum Historiae Pontificiae*, 41, 25–49. (In Italian).
- Dunkle, J. R. (1967). The Greek tyrant and Roman political invective of the late republic. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 98, 151–171.
- Dunkle, J. R. (1971). The rhetorical tyrant in Roman historiography: Sallust, Livy and Tacitus. *The Classical World*, 65(1), 12–20.
- Elfassi, J. (2020). Presence of Augustine of Hippo in Isidore of Seville: Some provisional remarks. In E. Dell' Elicine, C. Martin (Eds.). *Framing power in Visigothic society: Discourses, devices, and artifacts*, 23–50. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press.
- Evans, G. R. (1988). *The thought of Gregory the Great*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Fernandez Alonso, J. (1955). *La cura pastoral en la España romanovisigoda*. Roma: Iglesia Nacional Española. (In Spanish).
- Flower, R. (2013). *Emperors and bishops in late Roman invective*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Fontaine, J. (2002). *Isidoro de Sevilla: Génesis y originalidad de la cultura hispánica en tiempos de los visigodos*. Madrid: Encuentro. (In Spanish).
- Fontaine, J., Pellistrandi, C. (Eds.) (1992). *L'Europe héritière de l'Espagne wisigothique*. Madrid: Casa de Velázquez. (In French, Spanish, English).

- Fuchs, H.-J. (1977). *Entfremdung und Narzißmus: semantische Untersuchungen zur Geschichte der "Selbstbezogenheit" als Vorgeschichte von französisch "amour-propre"*. Stuttgart: J. B. Metzler. (In German).
- Gaddis, M. (2005). *There is no crime for those who have Christ: Religious violence in the Christian Roman Empire*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Gaudemet, J. (1951). *Utilitas publica*. *Revue historique de droit français et étranger*, 28, 465–499. (In French).
- George, J. W. (1987). Portraits of two Merovingian bishops in the poetry of Venantius Fortunatus. *Journal of Medieval History*, 13(3), 189–205.
- Green, W. M. (1949). *Initium omnis peccati superbia. Augustine on pride as the first sin*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Griffin, M. (1992). *Seneca: A philosopher in politics*. Oxford: Clarendon Press.
- Gryson, R. (1968). *Le prêtre selon Saint Ambroise*. Louvain: Edition Orientaliste. (In French).
- Guillou, A. (1973). L'évêque dans la société méditerranéenne des VIe–VIIe siècles: un modèle. *Bibliothèque de l'École des chartes* 131(1), 5–19. (In French).
- Habinek, T. (2005) *Ancient rhetoric and oratory*. Malden, Mass.: Blackwell.
- Harris, W. V. (2001) *Restraining rage: The ideology of anger control in classical antiquity*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Hellegouarc'h, J. (1963). *Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République*. Paris: Les Belles Lettres. (In French).
- Herzog, R. (Ed.) (1989). *Restauration und Erneuerung: Die lateinische Literatur von 284 bis 374 n. Chr.* Munich: C. H. Beck. (In German).
- Hibst, P. (1990). Gemeiner Nutzen: Begriffsgeschichtliche Untersuchungen zur politischen Theorie vom 5. vorchristlichen bis zum 15. nachchristlichen Jahrhundert. *Archiv für Begriffsgeschichte*, 33, 60–95. (In German).
- Holland, B. (2020). *Self and city in the thought of Saint Augustine*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan.
- Jeanjean, B. (2008). La figure idéale de l'évêque chez les Pères latins des IVe–Ve siècles. In P.-G. Delage (Ed.). *Les Pères de l'Église et les ministères: évolutions, idéal et réalités (Actes du IIIe colloque de La Rochelle, 7, 8 et 9 septembre 2007)*, 131–149. La Rochelle: Association Histoire et culture. (In French).
- Kaster, R., Nussbaum, M. (Trans., Comment.) (2010). *Seneca. Anger, mercy, revenge*. Chicago: University of Chicago Press. (The complete works of Lucius Annaeus Seneca).
- King, P. D. (1972). *Law and society in the Visigothic kingdom*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Kirchner, R. (2001). *Sentenzen im Werk des Tacitus*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. (In German).
- Kos, M. S. (1990). Sententia in the Agricola of Tacitus. *Živa antika*, 40(1–2), 83–109.
- Krivushin, I. V. (1998). *Rannevizantiiskaia tserkovnaia istoriografiia* [The Church historiography of early Byzantium]. St. Petersburg: Aleteia. (In Russian).
- Lausberg, H. (1998). *Handbook of literary rhetoric: A foundation for literary study*. Leiden: Brill.
- Little, L. K. (1998). Anger in monastic curses. In B. H. Rosenwein (Ed.). *Anger's past: The social uses of an emotion in the Middle Ages*, 9–35. Ithaca: Cornell Univ. Press.
- Lizzi Testa, R. (2009). The late antique bishop: Image and reality. In Ph. Rousseau (Ed.). *A companion to Late Antiquity*, 525–538. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Lunn-Rockcliffe, S. (2007). *Ambrosiaster's political theology*. Oxford: Oxford Univ. Press.

- MacQueen, D. J. (1973). *Contemptus Dei: St. Augustine on the disorder of pride in society, and its remedies. Recherches Augustiniennes et Patristiques*, 9, 227–293.
- Madoz J. (1960). *San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria*. León: Consejo superior de investigaciones científicas, Centro de estudios e investigaciones S. Isidoro. (In Spanish).
- Marey, E. S. (2014). *Entsiklopedist, bogoslov, iurist: Isidor Sevil'skii i ego predstavlenie o prave i pravosudii* [An encyclopedist, theologian and jurist: Isidore of Seville and his ideas on law and justice]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke. (In Russian).
- Markus, R. A. (1988). *Saeculum: History and society in the theology of St Augustine*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Martin, J. C. (2013). Isidore of Seville. In K. Pollmann (Ed.). *The Oxford guide to the historical reception of Augustine* (Vol. 2), 1193–1996. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Martin, C. (2017). Tyrannus. Usurpador y rey injusto en época visigoda. In E. Dell'Elicine, P. Miceli, A. Morin (Eds.). *Artificios pasados. Nociones del derecho medieval*, 19–36. Madrid: Universidad Carlos III de Madrid. (In Spanish).
- McDonnell, M. (2006). *Roman manliness: Virtus and the Roman Republic*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- McGrath A. E. (2005). *Iustitia Dei: A history of the Christian doctrine of justification*. (3rd ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Mellado Rodriguez, J. (1990). *Léxico de los concilios visigóticos de Toledo* (Vol. 1). Cordoba: Universidad de Cordoba. (In Spanish).
- Musurillo, H. (Intro., Texts, Trans.) (1972). *The acts of the Christian martyrs*. Oxford: Clarendon Press. (In English, Ancient Greek, Latin).
- Niermeyer, J. F. (Ed.) (1976). *Mediae Latinitatis lexicon minus: A medieval Latin-French/English dictionary*. Leiden: Brill.
- Orlandis, J. (1959). En torno a la noción visigoda de tiranía. *Anuario de historia del derecho español*, 29, 5–44. (In Spanish).
- Orlandis, J. (1976). *La iglesia en España visigótica y medieval*. Pamplona: Ediciones Universidad de Navarra. (In Spanish).
- Orlandis, J., Ramos-Lisson, D. (1986). *História de los concilios de la España romana y visigoda*. Pamplona: Ediciones de la Universidad de Navarra. (In Spanish).
- Pokrovskii, I. A. (1998). *Istoriia rimskogo prava* [History of Roman law]. St. Petersburg: Letnii sad. (In Russian).
- Reydellet, M. (1981). *La royauté dans la littérature latine, de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville*. Rome: École Française de Rome. (In French).
- Rist, J. M. (1994). *Augustine: Ancient thought baptized*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Shkarenkov, P. P. (2009). Latinskaia ritoricheskaiia traditsiia na rubezhe antichnosti i srednevekov'ia: problemy istochnikovedcheskogo izucheniia [Latin rhetorical tradition at the times of transition from Antiquity to Middle Ages: Problems of source studies]. *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin], Ser. *Istoricheskie nauki. Istoriografiia, istochnikovedenie, metody istoricheskikh issledovaniï* [Literary theory. Linguistics. Cultural studies], 2009(4(9)), 146–161. (In Russian).
- Shtaerman, E. M. (1981). “Sententsii” Publiliia Sira i “Moral'nye distikhi” Dionisiia Katona [The Sentences of Publilius Syrus and Distichs of Cato]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1981(4(158)), 219–227. (In Russian).
- Sinclair, P. (1993). The *Sententia* in *Rhetorica ad Herennium*: A study in the sociology of rhetoric. *The American Journal of Philology*, 114(4), 561–580.

- Smith, J. W. (2011). *Christian grace and pagan virtue: The theological foundation of Ambrose's ethics*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Stagl, J. F. (2017). Die Funktionen der utilitas publica. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung*, 134(1), 514–523. (In German).
- Stevenson, T. (2009) Antony as 'Tyrant' in Cicero's First Philippic. *Ramus: Critical studies in Greek and Roman literature*, 38(2), 174–186.
- Tabacco, R. (1985). *Il tiranno nelle declamazioni di scuola in lingua latina: memoria*. Torino: Accademia delle scienze. (In Italian).
- Teillet, S. (2011). *Des Goths à la nation gothique. Les origines de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle* (2nd ed.). Paris: Les Belles Lettres. (In French).
- Ukolova, V. I. (2010). *Antichnoe nasledie i kul'tura rannego Srednevekov'ya (konets V – seredina VII v.)* [The classical heritage and the early medieval culture in Western Europe (the late 5th — mid 7th centuries)], 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russian).
- Vorontsov, S. A. (2012). Uchenie Isidora Sevil'skogo o predopredelenii [The teaching of Isidore of Seville on predestination]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [St. Tikhon's University Review], Ser. 1: *Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie* [Theology. Philosophy. Religious Studies], 2012(5(43)), 95–108. (In Russian).
- Vorontsov, S. A. (2015). *Isidor Sevil'skii v istoriko-filosofskom kontekste* [Isidore of Seville in a historical and philosophical context] (Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation, Lomonosov State University). Moscow. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Михаил Юрьевич Биркин
младший научный сотрудник,
Лаборатория исследований
церковных институций,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Россия, 127051, Москва, Лихов пер.,
д. 6, стр. 1
Тел.: +7 (495) 114-50-88
✉ mbirkin@gmail.com

Information about the author

Mikhail Yu. Birkin
Junior Research Fellow,
Ecclesiastical Institutions Research
Laboratory,
St. Tikhon's Orthodox University
for the Humanities,
Russia, 127051, Moscow, Likhov Pereulok,
6, Bld. 1
Tel.: +7 (495) 114-50-88
✉ mbirkin@gmail.com